Михайло Ломоносовъ

1711–1911

НАДЕЖДИНЪ, П. Пособіе къ чтенію прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій для самообразованія. Изд. 2, испр. и дополн. Ц. 1 р. *Доп. Мин. Нар. Пр.*

— Прибавленіе къ книгѣ: Пособіе къ чтенію прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій. Ц. 20 к.

РУДНЕВЪ, В. Родной мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ букваря книжка для чтенія. Учебное руководство для перваго года обученія въ народной школѣ, съ образцами для письма, упражненіями для самостоятельныхъ письменныхъ работъ и большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Изд. 22-е. Ц. 25 к. *Доп. Мин. Нар. Пр.*

— Руководство къ обученію чтенію и письму по книгѣ „Родной мірокъ". Изд. 3-е. Ц. 30 к. *Доп. М. Н. Пр.*

СИПОВСКІЙ, В. В. Проф.

Исторія русской словесности.

Часть I. Выпускъ 1-й: Народная словесность. Изданіе 5, стереотипное. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Часть I. Выпускъ 2-й: Исторія русской письменности отъ начала до XVIII вѣка. Изданіе 5. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. Исторія литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 1-й: Исторія новой русской литературы XIX столѣтія (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Изданіе 3. Ц. въ перепл. 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 2-й: Очерки русской литературы XIX ст. 40—60-хъ годовъ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ *руководства* въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища М-ва Нар. Пр.; вслѣдствіе такого постановленія допущено въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣд. Императрицы Маріи.

Сокращенный курсъ исторіи русской словесности. Въ двухъ астяхъ. Часть первая. Народная словесность — Исторія русской исьменности отъ начала до XVIII в. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. римѣнительно къ „Исторіи русской словесности".

Томъ 1, вв. 1—2, т. 2, вв. 1—5, и т. 3, вв. 1, 2 и 3 *допущены* ченымъ Комит. М-ва Нар. Пр. въ качествѣ *учебнаго пособія* въ едне-учебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого поановленія они допускаются и въ учебн. зав. Вѣд. Императрицы аріи и учебн. зав. М. Т. и П.

Томъ I. Вып. 1-ый: Народная словесность. Изд. 5. Ц. въ пер. 90 к.

Томъ I. Вып. 2-ой: Русская письменность съ XI до XVIII вѣка. здаціе 5. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Вып. 3-й: Русская литература XVIII-го вѣка. Изданіе 4. въ перепл. 80 к.

Томъ II. Вып. 1-ый: Русская литература XVIII—XIX в. Изданіе 3. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 2-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 3-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. въ перепл. 60 к.

Томъ II. Вып. 4-й: Русская литература 20—30-ыхъ годовъ XIX в. ушкинъ и Гоголь. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-ый: Русская литература 30—40-ыхъ годовъ XIX в. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

Томъ III. Вып. 1-й: Русская литература 40—60-ыхъ годовъ XIX в. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: Русская литература 40—60-хъ годовъ XIX в. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: Русская литература 60—70-хъ годовъ XIX в. Н. Некрасовъ, Гр. А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и А. Фетъ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Томъ III. Выпускъ 4-й: Русская критическая литература XIX в. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Очерки изъ исторіи русскаго романа. Томъ I. Вып. 1-й и 2-й. Цѣна 7 р.

Книги подъ редакціей проф. В. В. Сиповскаго:

1.—БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ, подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Цѣна въ папкѣ 50 к. Содержаніе: *Вступительная статья В. В. Сиповскаго. Пушкинъ:* Народность, гуманность и художественность—отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. *Гоголь:* Повѣсти. Ревизоръ. *Лермонтовъ:* Стихотворенія. *Кольцовъ:* Стихотворенія. *Мысли о литературѣ.* Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности.

Чистая прибыль отъ перваго изданія поступитъ на устройство Народнаго дома имени В. Г. Бѣлинскаго въ гор. Чембарѣ, Пензенской губ.

2.—ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и рисунками. Подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго для учащихся. Цѣна въ папкѣ 40 коп.

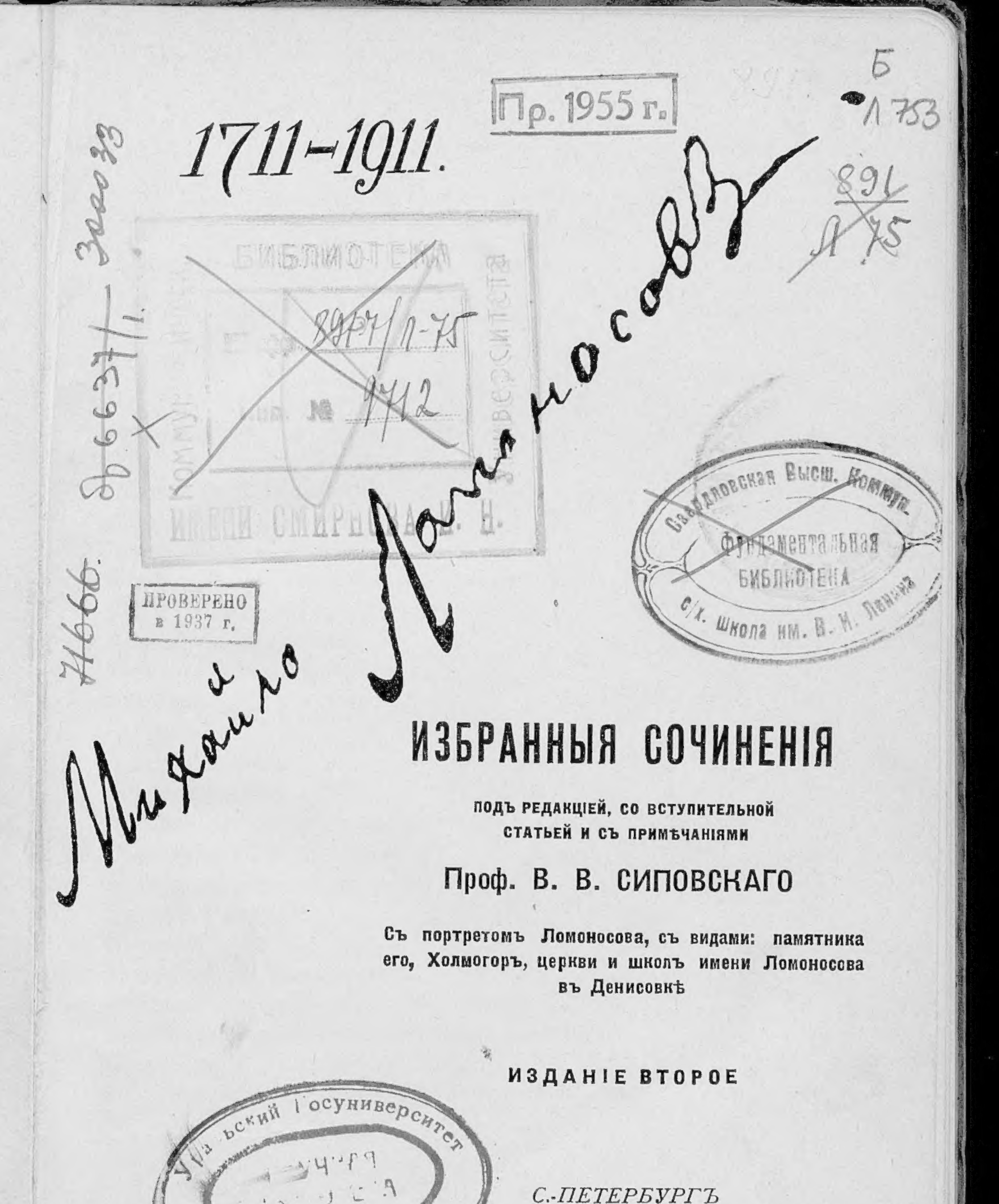
3.—М. В. ЛОМОНОСОВЪ. Сборникъ статей, характеризующихъ личность и дѣятельность Ломоносова. Содержаніе: „Наука и религія въ міросозерцаніи Ломоносова". „Лейбницъ и Ломоносовъ". „Вліяніе Библіи на творчество Ломоносова". „Предшественники Ломоносова". „Вліяніе Ломоносова на русскую поэзію XVIII-го в.". „Ломоносовъ въ оцѣнкѣ русской критики". Подъ редакціей *В. В. Сиповскаго.* Ц. 1 р.

СТЕФАНОВСКІЙ, И. Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 5. Ц. 75 к. *Доп. М. Н. Пр.*

ТАРАПЫГИНЪ, Ѳ. А. Матушка Русь. Хрестоматія. 2 части. Съ портретами и рисунками. Редакція Ѳ. А. Витберга. Ч. I. Для учениковъ младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2. Ц. въ пер. 1 р. 25 к. Ч. II. Для учениковъ младшихъ III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. *Обѣ части Учен. Комит. Нар. Пр. допущ. въ качествѣ учебн. пособія въ младш. класс. средн. учебн. зав. Рек. Гл. Упр. В. У. З.—Доп. Св. Син. — Реком. Учебн. Комит. Вѣд. Учрежд. Императрицы Маріи.*

ШУЙСКАЯ, А. П. Краткій курсъ русской грамматики.—Учебникъ и сборникъ примѣровъ для разбора и другихъ упражненій. Изд. 3. Ц. въ папкѣ 60 к. *Одобр. С. С.*—2-е изд.—*Одобр. М. Н. Пр.—Удостоенъ преміи Митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

1711–1911.

Михайло Ломоносовъ

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

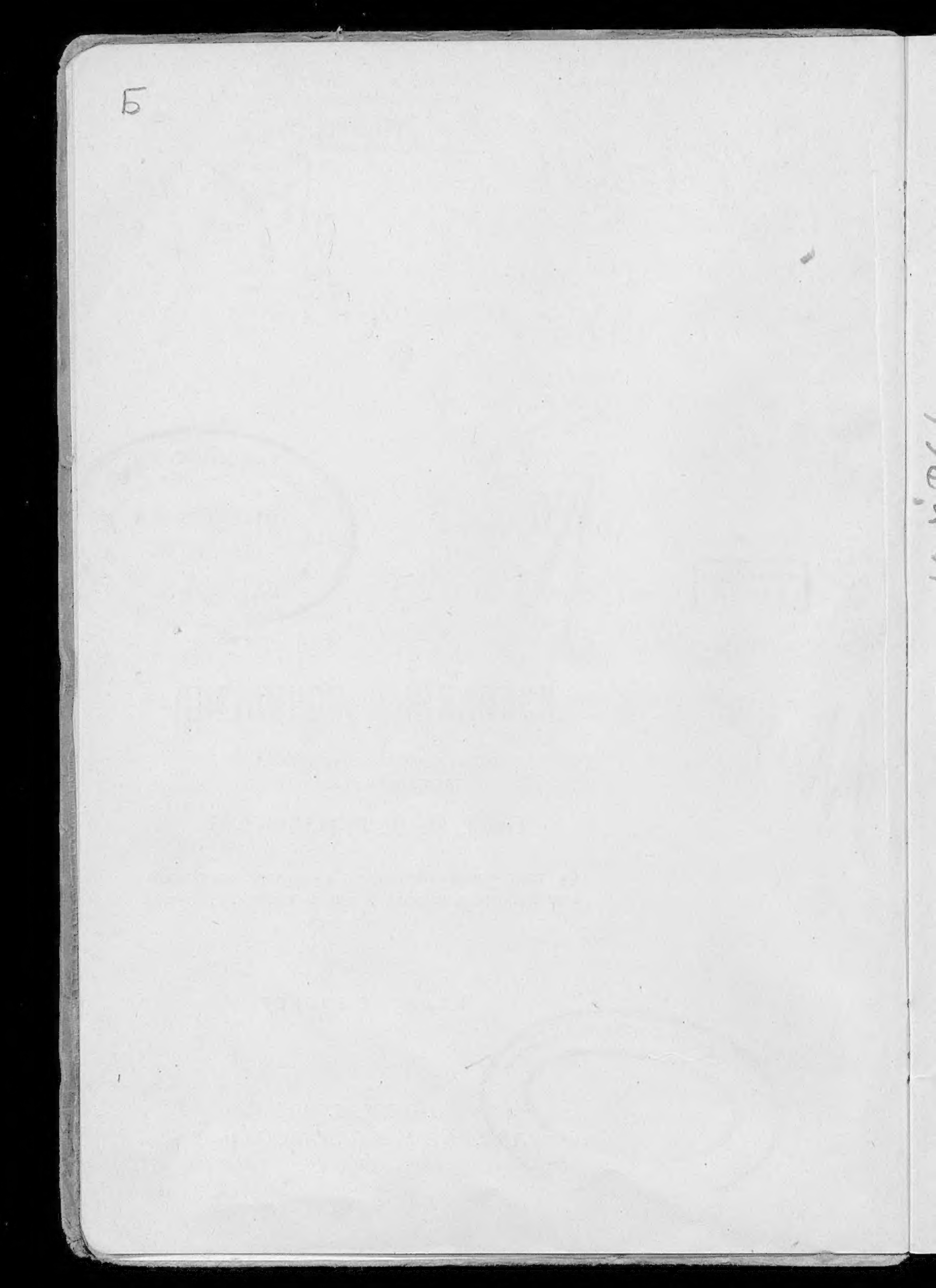
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ, СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Проф. В. В. СИПОВСКАГО

Съ портретомъ Ломоносова, съ видами: памятника его, Холмогоръ, церкви и школъ имени Ломоносова въ Денисовкѣ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°
1911

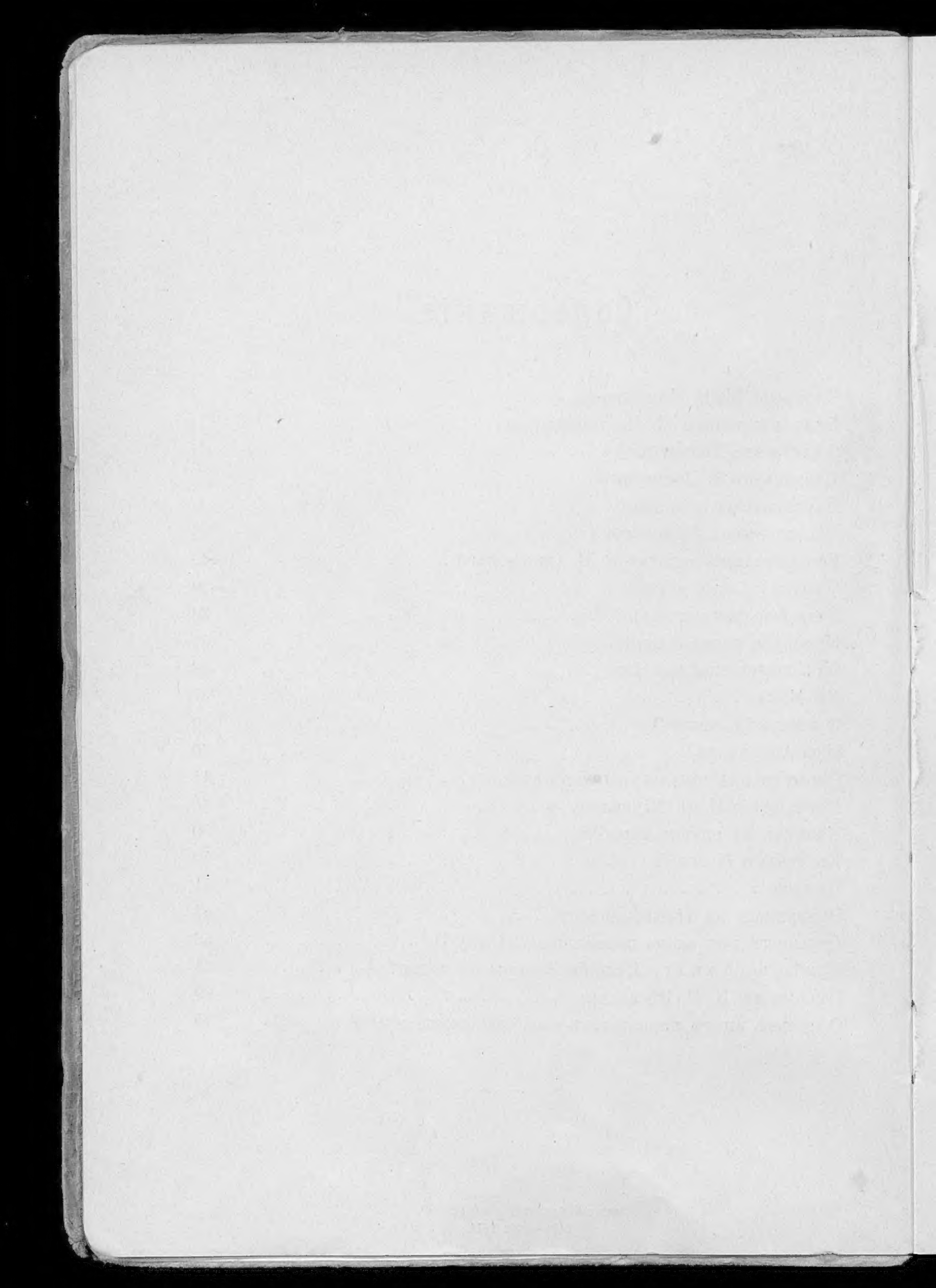

Б

Содержаніе.

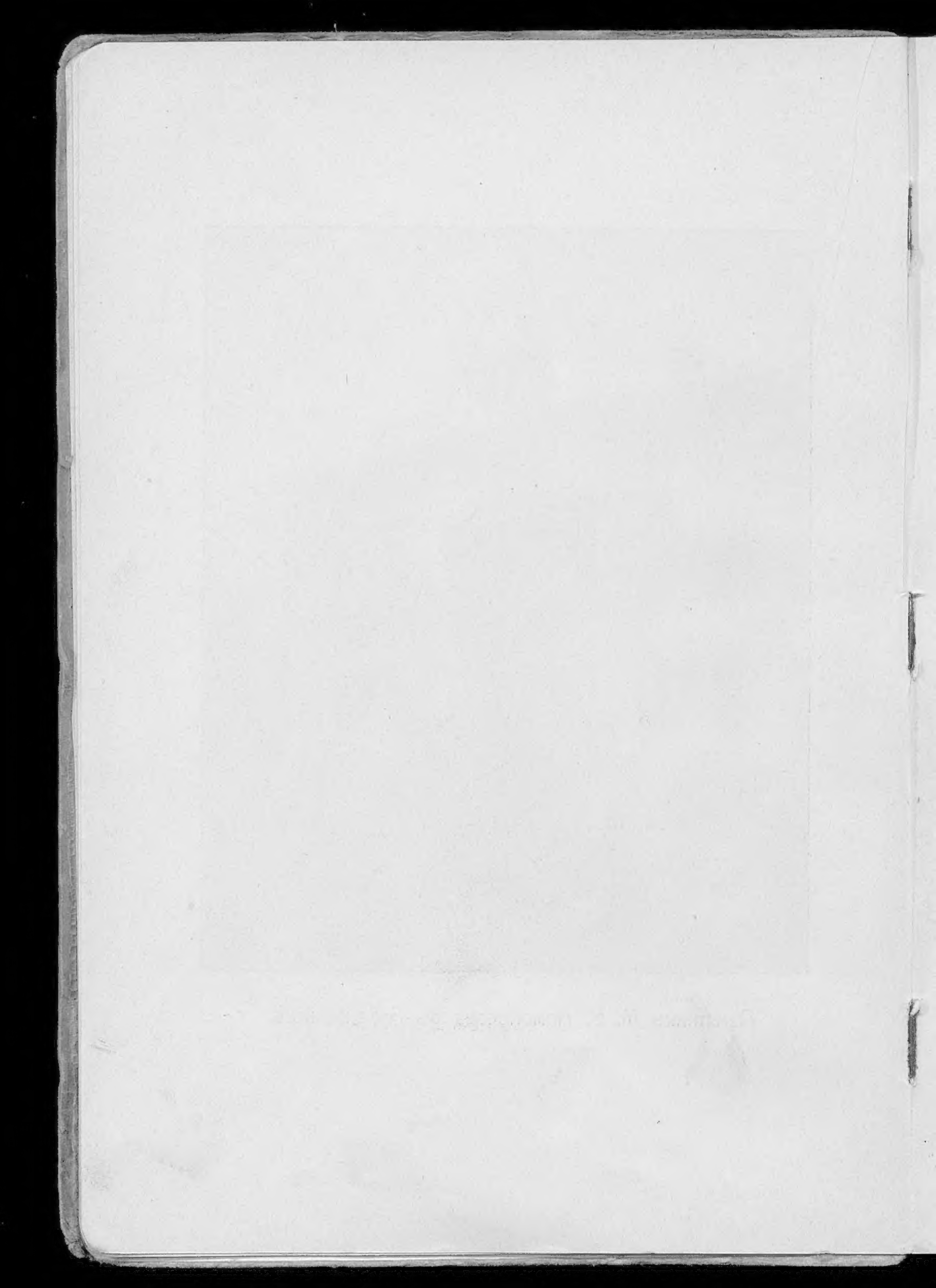
Портретъ М. В. Ломоносова	I
Видъ памятника М. В. Ломоносова	II
Общій видъ Холмогоръ	III
Церковь въ с. Денисовкѣ	IV
Двухклассное училище	V
Школа имени Ломоносова	VI
Вступительная статья В. В. Сиповскаго	1—45
Оды на разные случаи	1—29
Вечернее размышленіе	30
Утреннее размышленіе	32
Ода, выбранная изъ Іова	33
Къ Музѣ	37
О движеніи земли	39
Изъ Анакреона	40
Отрывки изъ письма о пользѣ стекла	41
Посвященіе И. И. Шувалову	48
Надпись на спускъ корабля	50
Къ статуѣ Петра В.	50
Притча	51
Эпиграммы на Тредіаковскаго	53
Отрывокъ изъ слова похвальнаго Петру В.	53
Прибавленіе къ ст. „Явленіе Венеры на солнцѣ“	63
Письма къ И. И. Шувалову	69
О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ	75

ТИП. СПБ. Т-ВА «ТРУДЪ» КАВАЛЕРГ. 40.
24/х—26/х 1911.

Памятникъ М. В. Ломоносова въ Архангельскѣ.

Общій видъ Холмогоръ.

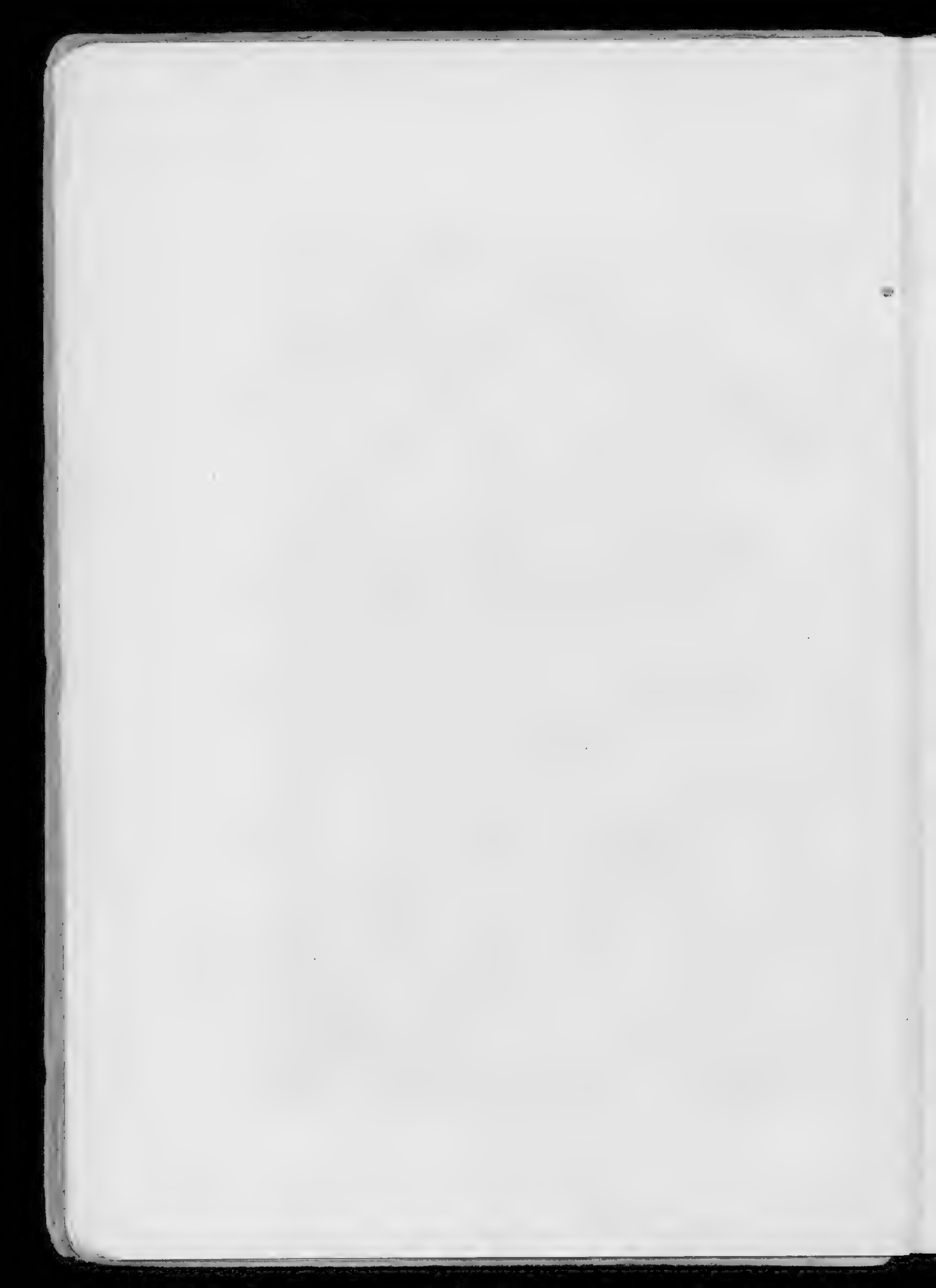

Церковь въ селѣ Денисовкѣ.

Двухклассное училище М. В. Ломоносова на родинѣ.

Школа имени М. В. Ломоносова.

Изъ всѣхъ нашихъ писателей нѣтъ никого, кто къ учащейся молодежи могъ бы стать ближе М. В. Ломоносова! Великій поэтъ и великій ученый любилъ эту молодежь, заботился о ней въ теченіе всей своей жизни, болѣлъ за нее душой и ободрялъ ее теплымъ словомъ утѣшенія. Онъ горячо и сознательно любилъ свою родину и вѣрилъ, что ея свѣтлое и великое будущее возрастетъ высоко, если къ тому приложены будутъ усилія грядущихъ поколѣній. Подобно Петру Великому, Ломоносовъ былъ убѣжденъ, что только одно знаніе можетъ возвысить его родину. Оттого съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ воспѣвалъ онъ «науку» въ своихъ поэтическихъ гимнахъ, оттого такъ отечески-задушевно въ одной его торжественной одѣ звучатъ теплыя слова обращенія къ учащейся молодежи:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ доказать»... и пр.

Съ такими словами, съ такой сердечной теплотой, такъ непосредственно-прямо не обращался къ молодежи никто изъ русскихъ писателей до-и послѣ Ломоносова.

Вотъ почему, празднуя въ нынѣшнемъ 1911-омъ году память М. В. Ломоносова, русская учащаяся молодежь должна въ его лицѣ почтить не только перваго русскаго поэта и перваго ученаго, но и своего *учителя*-воспитателя,—«вождя по жизни», который и словомъ, и дѣломъ доказалъ свою любовь къ ней!

Дороги и незабвенны должны быть намъ его завѣты, и глубоко въ юныя сердца должны запасть его уроки...

На склонѣ лѣтъ сказалъ онъ такія слова:

«Испытаніе натуры трудно, слушатели, однако, пріятно, полезно, *свято*».

Эта вѣра въ *святость* знанія никогда не покидала Ломоносова: для него служеніе наукѣ было «религіознымъ дѣланіемъ», «богослуженіемъ», «подвижничествомъ»... И не было той силы, которая могла бы оторвать его отъ научныхъ занятій.

«За утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю!» — писалъ онъ въ одномъ письмѣ. «*Не употребляйте Божьяго дѣла для своихъ пристрастей, — дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго*».

Пусть эти слова запомнитъ всякій, кому *посчастливилось* попасть въ учебное заведеніе!.. Пусть «Божьяго дѣла» никогда не употребляетъ онъ «для своихъ пристрастій»,—пусть не мѣшаетъ «возрастать свободно насажденію Петра Великаго», потому что только благодаря образованію прогрессируетъ всякая страна, потому что въ нашей Россіи это образованіе стоитъ еще невысоко и потому каждый истинно-образованный человѣкъ особенно ей дорогъ. Въ западной Европѣ много знанія,— больше, чѣмъ у насъ, — и всетаки тамъ болѣе уважаютъ и цѣнятъ это знаніе — это «святое», «Божье дѣло», какъ его называлъ двѣсти лѣтъ тому назадъ М. В. Ломоносовъ!

Широко разливается Сѣверная Двина въ нижнемъ своемъ теченіи... Впадая въ море, образуетъ она нѣсколько низменныхъ острововъ. На одномъ изъ этихъ острововъ, который носитъ названіе Курострова и лежитъ, какъ разъ, насупротивъ г. Холмогоры, и понынѣ находится рыбачья деревня Денисовка (иначе попросту: Болото, теперь — Ломоносовка), гдѣ въ 1711-мъ году увидѣлъ свѣтъ М. В. Ломоносовъ [1]).

Отецъ его, Василій Дорофѣевъ, былъ человѣкъ зажиточный, — имѣлъ достаточно земли, кромѣ того, промыслы «на Мурманскомъ берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы трески и палтосины». Онъ былъ человѣкъ необразованный, но, во всякомъ случаѣ, интересный: говорятъ, что онъ

первый въ своей деревнѣ построилъ и оснастилъ свое судно «Чайку» на англійскій ладъ [2]). Безбѣдность его существованія не лишала его энергіи,—очевидно, его натура была сильная и дѣятельная. Онъ, кромѣ того, отличался смѣлостью духа и предпріимчивостью: на своемъ корабликѣ плавалъ онъ много разъ до Соловецкаго монастыря, на Мурманъ, къ берегамъ Лапландіи [3]). Онъ и погибъ «смертью храбрыхъ», во время одной такой поѣздки, когда бурное море разбило его судно и выбросило его трупъ на маленькій безлюдный островокъ...

О матери Ломоносова мы ничего не знаемъ кромѣ того, что она была дочерью діакона. Она умерла, когда Ломоносову было 8 или 9 лѣтъ (Сибирцевъ, 10). Судя по ея происхожденію, можно думать, что она была человѣкомъ болѣе интеллигентнымъ, чѣмъ ея мужъ-рыбакъ, и, быть можетъ, отъ нея унаслѣдовалъ ея великій сынъ свои стремленія къ знанію и тонкость духовной организаціи. Уваженіе свое къ ея памяти выразилъ онъ тѣмъ, что по ея имени «Еленой» назвалъ свою дочь.

Съ дѣтства М. В. Ломоносовъ выдѣлился своею оригинальностью изъ рядовъ сверстниковъ... Рано его душа постигла тревожное недовольство настоящимъ, — жажду иныхъ, болѣе яркихъ, впечатлѣній, чѣмъ тѣ, которыми дарила его жизнь въ деревнѣ Денисовкѣ.

На низкомъ, болотистомъ мѣстѣ расположилась эта деревенька; во время разлива къ самымъ домамъ подходила Двина... [4]). Не было въ Денисовкѣ почти никакой растительности и, ничѣмъ не прикрытыя, жались другъ къ дружкѣ сѣрыя рыбачьи хаты, обвѣваемыя морскимъ вѣтромъ,—за то необъятно-широко раскидывался надъ деревушкой небесный сводъ, и ничто не ограничивало и не темнило этого небеснаго простора, — за то вдали вѣчно шумѣло свободное море, сѣдое и непривѣтное, но могучее, безграничное...

Рано привыкъ взоръ впечатлительнаго мальчика-Ломоносова уноситься мыслями изъ маленькой сѣрой деревушки [5]) и болотистой земли къ небу и морю... Рано полюбилъ онъ все необъятное, грандіозное, величественное и загадочно-таинственное... Показывались на горизонтѣ морскомъ паруса, — для мальчика они были вѣстниками чудесной невѣдомой страны...

Что тамъ за жизнь въ этихъ далекихъ странахъ?.. А на небѣ его дѣтскій взоръ увидѣлъ еще больше чудесныхъ тайнъ... Когда темнѣло широкое свѣтлое небо, то выступали на немъ яркія звѣзды, — сотни, тысячи, миріады звѣздъ... И искрились онѣ и переливались. Что тамъ, на этихъ звѣздахъ?.. Почему онѣ такъ сверкаютъ?.. Куда дѣваются онѣ днемъ?..

Иногда, въ холодную зимнюю ночь, небо вдругъ загоралось причудливыми, разноцвѣтными лучами сѣвернаго сіянія... И дрожали эти лучи, то росли они, то меркли... Потомъ погасало это сіяніе,—блѣднѣло ночное небо, розовѣлъ востокъ. Изъ-за сѣдого моря вставало царственное солнце, — и весь міръ привѣтствовалъ его!.. А оно дарило этотъ міръ и свѣтомъ, и тепломъ... И все золотилось, все розовѣло: и гребни морскихъ волнъ, и темныя крыши рыбачьихъ хижинъ... Даже въ болотистыхъ лужахъ Куроострова играли его золотые лучи!..

Что такое это солнце? Откуда въ немъ такая таинственная сила, все оживляющая, и озаряющая, и согрѣвающая?

Такіе вопросы рано захватили ребенка-Ломоносова. И ничего не могли отвѣтить ему на эти вопросы въ его родной избѣ...

Ему давали здѣсь уроки труда и могучей воли, неустрашимости и энергіи... [6]). Отецъ бралъ его съ собой въ свои опасныя экспедиціи... Онъ научилъ его не бояться урагана и смѣло бороться съ бушующимъ моремъ... Онъ научилъ сына, какъ опредѣлять погоду ближайшаго дня, какъ по лету птицъ и по звѣздамъ узнавать направленіе морского пути, какъ ловить рыбу, готовить ее впрокъ, какъ добывать соль, какъ строить и чинить морскія суда... [7]).

И все это интересовало любознательнаго мальчика. Онъ жаждалъ *всякаго* знанія безразлично — возвышеннаго и самаго будничнаго, житейскаго...

Всѣ эти знанія послужили ему на пользу: они вносили равновѣсіе и трезвость въ его мятежную душу. Не могъ онъ часами стоять и смотрѣть на сѣверное сіяніе — отецъ звалъ его въ избу чинить сѣти... Не могъ онъ мечтательно любоваться солнечнымъ лучомъ, пронизывающимъ зеленую прозрачность морской волны, когда ураганъ вырывалъ изъ рукъ его тугонатянутый парусъ...

Всему свое время и мечтѣ, и труду!..

Это на всю жизнь запомнилъ Ломоносовъ.

Вотъ почему не сдѣлался онъ поэтомъ-мечтателемъ, оторваннымъ отъ жизни, — этому помѣшала жизнь, съ ея суровыми, непреклонными требованiями... Но онъ не сдѣлался и рыбакомъ, «морскимъ волкомъ», — этому помѣшала его мечтательность, его недовольство только настоящимъ.

Ограниченную мудрость отца постигъ онъ скоро, и ему показалось мало этихъ знанiй... Ему недостаточно было знать, какъ добываютъ соль [8]), какъ по звѣздамъ и птицамъ узнаютъ путь въ волнахъ морскихъ, — онъ захотѣлъ проникнуть въ тѣ великiя тайны, что̀ управляютъ мiромъ; ему хотѣлось понять, что̀ такое солнце, откуда его таинственная сила...

Это — «Богъ создалъ солнце!»... «Это Богъ на тверди небесной укрѣпилъ звѣзды безчисленныя!»... «Все — Божья премудрость!» — отвѣчали Ломоносову родные и односельчане на его трудные вопросы.

И проникалась душа мальчика благоговѣнiемъ къ Богу, мудрому и всемогущему Создателю мiра... Но не удовлетворялась его жажда знанiя такими отвѣтами: вѣдь тайны объяснялись другими тайнами!

«Въ книгахъ написано обо всемъ!.. Прочти — узнаешь!» — говорили ему...

Тогда Ломоносовъ взялся за книги... Крестьянинъ Иванъ Шубный выучилъ его грамотѣ, и съ жадностью принялся онъ за чтенiе. Книги у него въ рукахъ были сперва только церковнаго содержанiя: Псалтирь, Часословъ, житiя святыхъ... [9]).

Въ этихъ книгахъ встрѣтилъ онъ яркое и краснорѣчивое выраженiе тѣхъ же чувствъ и настроенiй, которыя смутно пережиты были имъ... Въ «Псалмахъ» царя Давида нашелъ онъ восторженные гимны въ честь Творца, восхваленiя Его за созданный мiръ, во всемъ своемъ многообразiи являющiй собою Божiе откровенiе. Въ «житiяхъ» прочелъ онъ о подвигахъ святыхъ людей, съ сильной душой, служившихъ Богу всей своей жизнью... Отъ всякой тѣни личнаго счастья отрекались эти богатыри духа и всѣми очищенными помыслами своими тянулись къ престолу Господнему...

Такую пищу дали юношѣ первыя прочтенныя имъ книги... И пищу эту восприняла его жадная, алчущая душа...

По свидѣтельству современниковъ, онъ съ увлеченіемъ пересказывалъ содержаніе прочитанныхъ житій своимъ односельчанамъ-старикамъ [10]); потомъ сталъ онъ читать въ церкви, во время богослуженія и, по словамъ современниковъ, чтеніе его было «разстановочно, внятно, съ особою пріятностію и ломкостію голоса», т. е., другими словами, оно было выразительно, потому что было сознательно, продумано и прочувствовано, пережито въ его богатой молодой душѣ... «Псалмы» такое впечатлѣніе произвели на него, что на всю жизнь подчинился ихъ обаянію его отзывчивый духъ [11]), — недаромъ даже въ зрѣломъ возрастѣ занимался онъ ихъ переложеніемъ въ стихи...

И не только чувство затронуто было этимъ чтеніемъ—рано задѣта была и мысль его. Присмотрѣвшись къ богослуженію и, вѣроятно, осудивъ выполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ, *на 13-мъ году* отъ роду ненадолго сдѣлался Ломоносовъ раскольникомъ-безпоповцемъ, отрицающимъ нѣкоторыя положенія православной церкви [12]).

Сущности религіи не коснулся его критицизмъ,—наоборотъ, этотъ самый критицизмъ исходилъ изъ религіозныхъ побужденій найти «правильную вѣру».

Надо думать, что узость міросозерцанія раскольниковъ скоро заставила Ломоносова отказаться отъ своей солидарности съ ними... Можетъ быть, помогъ ему это сдѣлать и образъ Петра Великаго... Дѣло въ томъ, что великій преобразователь земли Русской, во время своего путешествія по сѣверу Россіи побывалъ въ Холмогорахъ, и память о царѣ-плотникѣ свято сохранилась въ мѣстномъ населеніи... [13]). Между тѣмъ, раскольники считали Петра врагомъ старинной церкви русской, называли его даже «Антихристомъ»... [14]).

Такимъ образомъ, о Петрѣ Ломоносовъ въ дѣтствѣ слышалъ самыя разнообразныя сужденія — восторженныя похвалы и проклятія. Выборъ былъ труденъ. Сознательно возвращеніе Ломоносова въ православіе было посмертной побѣдой Петра, — этого провозвѣстника разума и прогресса.

Къ тому же душа Ломоносова была широка: и только религіозными исканіями насытиться она не могла. Его живой и тревожный умъ требовалъ отвѣта на вопросы: «почему?..» «зачѣмъ?..» «какъ?». И не находилъ онъ на эти вопросы отвѣтовъ ни въ житіяхъ святыхъ, ни въ раскольничьихъ книгахъ «старой печати»...

Тогда онъ сталъ искать *другихъ* книгъ въ своей деревушкѣ... И, на его счастье, попали ему въ руки двѣ «мірскія» книги: грамматика Смотрицкаго и «ариѳметика» Магницкаго [15]). Обѣ эти книги называлъ онъ впослѣдствіи «вратами своей учености». На самый короткій срокъ и то, благодаря хитрости, добылъ Ломоносовъ эти драгоцѣнныя книги на домъ и, зная, что всякую минуту ихъ могутъ у него отобрать, *выучилъ ихъ наизусть* [16]).

Чтеніе книгъ стало отвлекать юношу отъ работы, и въ это время впервые обостряются отношенія его къ родной семьѣ. Отъ него ждали помощи, а онъ прятался съ книгами отъ людей, выискивая такіе углы, гдѣ никто бы ему не мѣшалъ предаваться ихъ чтенію [17]).

Отъ людей бывалыхъ узналъ юноша, что въ Москвѣ есть школа, гдѣ многому можно было научиться. И вотъ созрѣваетъ у него рѣшеніе идти туда, гдѣ брезжилъ заманчивый свѣтъ знанія...

Существуетъ разсказъ, что въ одну морозную ночь Ломоносовъ *бѣжалъ* изъ отчаго дома; но точность этого разсказа подрывается оффиціальными данными, изъ которыхъ видно. что онъ былъ отпущенъ въ Москву на годъ [18]). Едва-ли это могло произойти безъ вѣдома отца, или противъ его воли. Но годъ прошелъ, — Ломоносовъ не вернулся домой, и лишь съ этого времени (съ 1732 г.) въ деревенскихъ книгахъ его отмѣчаютъ, какъ находящагося «въ бѣгахъ» [19]). Впрочемъ, и теперь «бѣгство» его было ненастоящимъ: отецъ зналъ его мѣстожительство, платилъ за него подушныя и неоднократно отправлялъ къ нему письма, съ просьбами вернуться домой, съ обѣщаніями женить на богатой дѣвушкѣ... [20]).

Но юноша не поддался просьбамъ, не соблазнился заман-

чивыми картинами безбѣднаго существованія въ родной деревнѣ. Очевидно, уже въ это время онъ рѣшилъ, что ради образованія «не грѣхъ противъ отца своего родного возстать». Несомнѣнно, онъ не раскаивался въ томъ, что рѣшился извѣдать своего счастья на новыхъ путяхъ...

Въ Москвѣ Ломоносовъ сперва «присталъ» къ школѣ у Сухаревой башни, гдѣ учился ариѳметикѣ [21]), а затѣмъ, выдавъ себя за «поповскаго сына», поступилъ въ Духовную Академію (попросту: «Заиконоспасское училище»). Въ этомъ учебномъ заведеніи главное вниманіе было обращено на богословскія науки. Эти новыя знанія не обогатили юношу, не расширили его умственнаго горизонта, — онъ и безъ богословія вѣрилъ въ Бога, почиталъ Его и восхвалялъ въ душѣ своей... Познакомился онъ въ Академіи и съ сочиненіями отцовъ церкви: Іоанна Златоуста, Василія Великаго и др. [22]). И въ ихъ твореніяхъ встрѣтилъ онъ опять свои чувства, свои настроенія, свои юношескія порыванія къ Богу и къ великимъ тайнамъ бытія...

Повидимому, слабо было въ Духовной Академіи поставлено преподаваніе такихъ наукъ, какъ математика, но все же, можно думать, убогія познанія Ломоносова по этой части нѣсколько углубились и, до нѣкоторой степени, систематизировались.

Выучилъ здѣсь, въ Академіи, Ломоносовъ латинскій языкъ [23]) и греческій, перечиталъ много всевозможныхъ сочиненій, печатныхъ и рукописныхъ, въ академической библіотекѣ [24]).

Нелегко давалась ему жизнь въ Москвѣ. Самъ онъ впослѣдствіи такъ вспоминалъ о своихъ московскихъ «школьныхъ годахъ» въ письмѣ къ Шувалову:

«Нѣтъ! не изъ тѣхъ я людей, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворятъ, въ тотъ же часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги примутъ, а науки оставятъ. Терпѣлъ стужу и голодъ, пока ушелъ въ Спасскія школы. Тамъ обучаясь, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія мои лѣта почти непреодолѣнныя имѣли силу. Съ одной стороны, отецъ, у котораго дѣтей кромѣ меня не было, говорилъ, что я—

единственный сынъ, оставилъ его, оставилъ все довольство, которое онъ кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ жалованья въ день, нельзя было имѣть пропитанія въ день болѣе, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, а прочее на бумагу, на обувь и другія нужды» [25]).

Впослѣдствіи онъ самъ придавалъ большое воспитательное значеніе этимъ труднымъ годамъ своей жизни: «тотъ бѣденъ въ свѣтѣ семъ, кто бѣденъ не бывалъ» — сказалъ онъ [26]).

Не напрасно зачитывался Ломоносовъ въ своей родной деревнѣ житіями святыхъ — сумѣлъ и онъ свою мощную плоть покорить своимъ, еще болѣе мощнымъ, духомъ, — и, несмотря на всѣ искушенія, соблазны, испытанія, шелъ твердо къ намѣченной цѣли [27]).

Очень скоро онъ исчерпалъ всѣ тѣ познанія, которыя только могла ему дать тогдашняя Московская Академія. Говорятъ, будто кто-то сказалъ ему, что физика и математика хорошо поставлены въ Кіевской Академіи, и Ломоносовъ перебрался въ 1735-омъ году въ Кіевъ, чтобы въ тамошней духовной академіи заняться физикой и философіей [28]). Но скоро, разочарованный [29]), вернулся онъ обратно въ Москву...

Наступилъ въ его жизни тягостный моментъ недоумѣнія... *Некуда было дальше идти:* предѣлы возможнаго въ Россіи знанія были имъ достигнуты...

Ему предстояло сдѣлаться священникомъ. Говорятъ, что его предназначали уже къ посылкѣ на крайній сѣверъ, къ Кореламъ... Но Ломоносовъ родился подъ счастливой звѣздой. Какъ разъ въ это время изъ Петербургской Академіи Наукъ было въ Московскую Духовную Академію прислано требованіе выслать въ Петербургъ двѣнадцать наиболѣе способныхъ юношей для посылки ихъ съ ученой цѣлью заграницу [30]). Ломоносовъ попалъ въ число этихъ избранниковъ...

Онъ прибылъ въ Петербургъ 2-го января 1736 г., представился академическимъ властямъ [31]) и отсюда, въ обществѣ двухъ товарищей, послѣ долгихъ проволочекъ [32]), отправился въ Германію. Его посылали съ опредѣленной цѣлью — изучать

горное дѣло подъ руководствомъ спеціалиста по этой части Генкеля [33]).

По счастливой случайности прежде, чѣмъ попасть къ специалисту, Ломоносовъ съ товарищами провелъ нѣсколько лѣтъ (1736—1739) въ Марбургѣ [34]) въ обученіи у извѣстнаго нѣмецкаго математика и философа Христіана Вольфа [35]).

Въ это время Вольфъ былъ самымъ извѣстнымъ ученымъ въ Германіи [36]). Широко и всесторонне-образованный, онъ отличался свѣтлымъ умомъ, искреннею религіозностью и доброжелательнымъ отношеніемъ къ людямъ, особенно къ молодежи.

Онъ не былъ оригинальнымъ мыслителемъ, и слава его, какъ ученаго профессора, объясняется тѣмъ, что онъ сдѣлалъ популярной въ Германіи трудную философскую систему своего учителя — Лейбница [37]).

Вольфъ проникся его идеями, сумѣлъ ими заинтересовать нѣмецкую интеллигенцію, и, въ благодарность за это, она платила ему глубокимъ уваженіемъ.

Со словъ Лейбница, Вольфъ училъ, что «познаніе необходимыхъ и вѣчныхъ истинъ дается человѣку при помощи науки». Онъ говорилъ, что путемъ научнаго изученія міра, мы познаемъ себя и приближаемся къ познанію Бога... [38]). Онъ училъ, что Богъ есть мудрый Строитель міра; Богъ далъ движеніе міру, установилъ закономѣрную зависимость явленій. Познать *всего* Бога человѣкъ не можетъ, такъ какъ познавательныя силы его ограничены, но раскрывать тайны мірозданья онъ можетъ и долженъ... Пути къ этому раскрытію укажетъ наука...

Всюду — жизнь, всюду — духовность, училъ Лейбницъ-Вольфъ. Разница лишь въ степени ея: «въ неорганической природѣ—это безсознательная духовная жизнь, въ животныхъ — это ощущеніе и память, въ людяхъ — это разумъ». И человѣкъ долженъ питать свой разумъ и этимъ безконечно возвышать свою духовность.

Въ мірѣ существуетъ всеобщая взаимная гармонія... Во всемъ — порядокъ, и порядокъ этотъ премудро установленъ самимъ Богомъ...

Основы этого ученія коренились на возвышенномъ оптими-

стическомъ міросозерцаніи Лейбница. Это ученіе мирило человѣка съ жизнью и въ апоѳеозѣ представляло Бога...

Такъ, оба нѣмецкіе философы, Лейбницъ и Вольфъ, пришли къ оправданію и возвеличенію жизни. Силой своего разума пытались они доказать существованіе Бога... Изъ ничего ничего и не могло бы произойти — все, что есть въ природѣ, должно имѣть достаточную причину для своего возникновенія — поучалъ Вольфъ своихъ учениковъ и читателей... Всѣ явленія жизни въ тѣсной связи. Эти связи установилъ Богъ: Онъ — причина существованія всего. Наука находитъ эти связи, ихъ опредѣляетъ и подводитъ человѣка къ познанію первой причины — Бога.

Нетрудно понять, что главныя основы этой возвышенной философіи оказались по душѣ юношѣ-Ломоносову. Къ воспріятію такого міровоззрѣнія былъ онъ подготовленъ всей предшествующей своей жизнью: своими дѣтскими мечтами, своими религіозными порывами, все наростающей жаждой знанія...

Такая философія, конечно, могла только укрѣпить въ немъ убѣжденіе, что выбранный имъ путь вѣренъ, что идти по этому пути надо впередъ, безъ колебаній и сомнѣній.

А для такихъ сомнѣній въ его юной душѣ могло накопиться немало пищи... Вѣдь въ родной деревнѣ, весьма вѣроятно, и въ Духовной Академіи ему приходилось неразъ сталкиваться съ обычнымъ у насъ представленіемъ, что заниматься науками, особенно изучающими природу — грѣхъ предъ Господомъ. Такое представленіе господствовало въ средніе вѣка не только у насъ въ Россіи, но и въ западной Европѣ. И тамъ люди думали, что ничто земное не должно интересовать человѣка, такъ какъ земля — принадлежитъ дьяволу: къ небу, къ Богу и къ загробной жизни долженъ былъ стремиться человѣкъ... Онъ не долженъ испытывать природу, чтобы не сдѣлаться слугой дьявола. Не слѣдуетъ развивать свой разумъ, — разумъ опасенъ для вѣры... «Своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя» — говорили русскіе книжники. И фанатики, убивая свой разумъ, налагали на себя «юродство Христа ради». «Проклятъ, любяй геометрію» — съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливость своихъ словъ, проповѣдовали они...

«Люби простыню (простоту) паче гордости!» — твердили, навѣрно, и юному Ломоносову люди старыхъ понятій, повторяя ему то, что̀ слышали сами отъ стариковъ. Еще въ XIX-омъ столѣтіи въ Россіи раздавались подобныя рѣчи [39]). Быть можетъ, онѣ раздаются и теперь въ глухихъ углахъ нашей родины!

Понятно, что въ началѣ XVIII-го столѣтія такія слова могли смущать юный, неустановившійся умъ Ломоносова.

Но когда онъ услышалъ рѣчи Вольфа, для сомнѣній больше не было мѣста въ его душѣ. Отъ своего новаго учителя узналъ онъ то, что̀ ему было особенно дорого: *вѣрь своему разуму, если твой разумъ просвѣщенъ свѣтомъ знанія.* Разумъ угоденъ Богу и не оскорбляетъ Его. Человѣкъ долженъ не только чувствомъ, но и разумомъ искать Бога...

Твердо запомнилъ это Ломоносовъ и значительно позднѣе высказалъ замѣчательную мысль: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, а въ другой—свою волю; первая—видимый сей міръ, вторая—Св. Писаніе». Въ этихъ словахъ вполнѣ выразился тотъ высокій взглядъ, который сложился у Ломоносова подъ вліяніемъ лейбнице-вольфіанской философіи разума...

Ободренный и вдохновенный своимъ учителемъ Вольфомъ, ревностно взялся теперь Ломоносовъ за чтеніе той великой книги, въ которой, по его словамъ, Богъ показалъ «свое величество»... Онъ окружилъ себя научными книгами, математическими выкладками, микроскопами, телескопами, колбами и пробирками, физическими приборами... Онъ жадно читалъ великую книгу природы, и, по мѣрѣ чтенія, выросталъ его восторгъ и усиливалась его страсть къ знанію...

Но его цѣльная широкая натура не удовлетворялась такимъ однообразнымъ питаніемъ: насыщался его духъ, а его мощная плоть, такъ долго порабощаемая его волей, требовала себѣ простора... Свободная студенческая жизнь, грубоватость нравовъ маленькаго нѣмецкаго городка, избытокъ неизрасходованныхъ молодыхъ силъ, — все это, вмѣстѣ взятое, освободило его отъ прежняго аскетизма [40]).

Быть можетъ, юноша думалъ, что такая свободная жизнь,

въ которой нашли воплощеніе всѣ стихіи его мощной натуры — и духъ, и плоть, въ которой упорный трудъ сочетался съ весельемъ, — была выраженіемъ той бодрой, радостной философіи Лейбница, которая оправдывала всю жизнь человѣка, и жизнь всего міра представлялась величественной симфоніей въ честь Мудраго Творца вселенной.

Въ такомъ міросозерцаніи нашла яркое выраженіе мудрость, принесенная Европѣ гуманизмомъ Возрожденія... Забылись темные вѣка средневѣковья... Аскетизмъ и мистицизмъ смѣнились свободнымъ и радостнымъ гимномъ въ честь земной жизни. Схоластика уступила свое мѣсто свободной наукѣ. Католицизмъ посторонился, чтобы дать мѣсто Реформаціи...

И свободный отъ узъ, высоко поднялъ свою голову свободный человѣкъ новаго времени, прекрасный и радостный... [41]).

Въ то время, какъ Ломоносовъ былъ въ Германіи, тамъ еще не прошелъ угаръ этой радости... И въ поэзіи, и въ жизни не померкли еще идеалы новой жизни... Популярна была поэзія анакреонтическая, и молодой поэтъ-эпикуреецъ Гюнтеръ былъ ея выразителемъ въ Германіи.

Его творчествомъ увлекся и нашъ Ломоносовъ. Нѣсколько, дошедшихъ до насъ, его стихотвореній этой эпохи [42]) свидѣтельствуютъ, что и онъ могъ сдѣлаться поэтомъ-эпикурейцемъ, пѣвцомъ легкокрылой любви...

Старый Вольфъ благодушно смотрѣлъ на проказы русской молодежи... Одно обстоятельство смущало его: русское правительство посылало своимъ студентамъ гроши, а Ломоносовъ со своими товарищами жилъ, совсѣмъ не считаясь со своими скудными средствами, и дѣлалъ долги... Повидимому, смущала Вольфа и необузданность русскихъ варваровъ, которые не желали быть «умѣренными» эпикурейцами и проказили слишкомъ неприкровенно...

Между тѣмъ, кончился срокъ пребыванія русскихъ студентовъ у Вольфа... Должно быть, съ чувствомъ облегченія проводилъ старикъ своихъ питомцевъ, которые стоили ему немалыхъ хлопотъ... Но ни тѣни озлобленія не чувствуется въ его послѣднихъ письмахъ, посланныхъ въ Россію съ отчетомъ о поведеніи и успѣхахъ его русскихъ учениковъ. Юноши прости-

лись сердечно со своимъ благодушнымъ учителемъ, а чувствительный, восторженный Ломоносовъ даже плакалъ при разставаніи съ тѣмъ, кто такъ много далъ ему.

Отъ Вольфа русскіе юноши перебрались въ Фрейбергъ, къ проф. Генкелю, чтобы, подъ его руководствомъ, заниматься горными науками. Генкель былъ человѣкомъ иного склада, чѣмъ Вольфъ: онъ не обладалъ такими всесторонними свѣдѣніями, и міросозерцаніе его не отличалось такой широтою. Человѣкъ, хорошо знающій свою узкую спеціальность, онъ не былъ философомъ и критически отзывался ко всякимъ попыткамъ создать общія системы... Въ отношеніяхъ къ русскимъ ученикамъ своимъ онъ обнаружилъ и мелочность, и излишнюю обидчивость, и даже, кажется, сребролюбіе... Особенно рѣзко столкнулся онъ съ экспансивнымъ, несдержаннымъ Ломоносовымъ. Между учителемъ и ученикомъ начались ссоры, скоро принявшія очень крупные размѣры публичныхъ скандаловъ [43]). Почта повезла въ Петербургскую Академію Наукъ изъ Фрейберга письма съ жалобами учителя и самооправданіями ученика...

Уроками Генкеля Ломоносовъ остался недоволенъ [44]), и кончилась исторія ихъ отношеній тѣмъ, что Ломоносовъ самовольно бросилъ своего учителя и городъ Фрейбергъ и отправился странствовать по разнымъ германскимъ городамъ, въ поискахъ русскаго посла, который въ это время ѣздилъ по Германіи [45]). Посла онъ отыскать не сумѣлъ и очутился опять въ Марбургѣ у Вольфа, къ которому явился, по его словамъ, «какъ къ своему благодѣтелю и учителю». Въ Марбургѣ на этотъ разъ пробылъ онъ недолго. Но 6 іюня 1740 г., успѣлъ жениться на дочери своего квартирохозяина... Очевидно, романъ Ломоносова завязался раньше, во время прежняго пребыванія его здѣсь.

Въ разсчетѣ устроиться въ Россіи, онъ скоро оставилъ свою молодую жену и отправился въ Голландію, чтобы оттуда моремъ пробраться въ Петербургъ. По дорогѣ онъ попалъ въ руки прусскихъ вербовщиковъ и былъ записанъ ими въ солдаты. Съ опасностью для жизни бѣжалъ Ломоносовъ изъ прусской крѣпости. Если бы онъ былъ пойманъ, его судили

бы военнымъ судомъ и, вѣроятно, приговорили бы, какъ дезертира, къ разстрѣлянію [46]).

Но счастье и на этотъ разъ благопріятствовало ему: онъ спасся отъ погони; перебѣжавъ границу, добрался до моря и, наконецъ, послѣ долгихъ скитаній и приключеній [47]), прибылъ въ Петербургъ и явился 8 іюня 1741 г. въ Академію Наукъ.

Это высшее ученое учрежденіе основано было по мысли Петра Великаго, который хотѣлъ, чтобы Академія составлена была изъ лучшихъ западно-европейскихъ ученыхъ, приглашенныхъ на хорошіе оклады для обученія русскихъ юношей разнымъ наукамъ. Великій Петръ сознавалъ силу образованія и горячо вѣрилъ въ способности русскихъ людей.

И М. В. Ломоносовъ явилъ собой первое доказательство того, что не ошибся въ своемъ народѣ великій Государь-Преобразователь!..

Это ясно понималъ самъ Ломоносовъ, и, гордый этимъ сознаніемъ, вошелъ онъ подъ кровъ Академіи съ высоко-поднятой головой.

Но здѣсь ждали его многочисленныя обиды и разочарованія...

Академіей правилъ единовластно нѣмецъ-Шумахеръ. Это былъ ловкій и хитрый человѣкъ, чуждый какой бы то ни было идейности. Онъ за счетъ Академіи умѣло устраивалъ благополучіе свое личное и своихъ родственниковъ. Интересамъ науки онъ былъ чуждъ, и завѣты Петра ничего не говорили его мелкому уму и маленькому сердцу.

Академія временъ Ломоносова представляла собою пестрое зрѣлище: подборъ ученыхъ былъ въ ней самый случайный, — это были люди разныхъ національностей (больше всего было нѣмцевъ), разныхъ способностей, неодинаковыхъ степеней знанія [48]). Они различно относились къ наукѣ: одни, дѣйствительно, горячо отдавались научнымъ занятіямъ, другіе исполняли свои обязанности кое-какъ, спустя рукава... Всѣ они были запутаны въ интригахъ Шумахера — одни его поддерживали, другіе боролись съ нимъ... И не было среди этихъ иностранныхъ ученыхъ почти никого, кто работалъ бы въ интересахъ русской молодежи, во имя Россіи и ея генія Петра!

Положеніе осложнялось тѣмъ, что многіе русскіе сановники и чиновники, состоящіе при Академіи или держали руку Шумахера, или относились совершенно равнодушно ко всему что происходило въ стѣнахъ этого ученаго учрежденія.

Это сразу почувствовалъ Ломоносовъ, едва только огля-дѣлся въ Академіи, и такое отношеніе иностранныхъ ученыхъ къ его родинѣ, отношеніе безразличное, или даже презрительное, показалось ему обиднымъ... Онъ еще мирился съ тѣми изъ академиковъ, которые любили науку и служили ей, — но не могъ онъ простить тѣмъ, въ отношеніи которыхъ къ Россіи почувствовалъ онъ тѣнь презрѣнія... На себѣ самомъ испыталъ онъ всю тяжесть и горечь этого презрѣнія: его держали въ черномъ тѣлѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ, не дѣлая академикомъ, и только въ 1745 году 25 іюля, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія его въ Академіи въ качествѣ адъюнкта, Ломоносовъ получилъ званіе профессора-академика.

Много горькихъ обидъ перенесъ онъ въ продолженіе этой неравной борьбы, когда онъ одинъ стоялъ противъ многихъ враговъ, «явныхъ недоброхотовъ Россійскихъ», и нѣмецкихъ, и русскихъ [49]). Сдѣлавшись, наконецъ, академикомъ, утомленный и обозленный, вошелъ онъ, какъ побѣдитель въ пеструю, недружную академическую семью...

Здѣсь особенно рѣзко столкнулся Ломоносовъ съ всесильнымъ Шумахеромъ и впослѣдствіи съ его родственникомъ Таубертомъ, которые правили хозяйствомъ и канцеляріей Академіи [50]). Много крови испортилъ себѣ Ломоносовъ за это время, и порою скандальная хроника его столкновеній съ академическими нѣмцами, заставляетъ думать, что въ борьбѣ съ этими пигмеями самъ онъ дѣлался пигмеемъ, злобнымъ и мелочнымъ...

Ни одной пяди земли не уступалъ онъ своимъ противникамъ, и не измельчалъ онъ въ этой упорной борьбѣ потому, что его большое сердце было полно большой любовью къ Петру и Россіи [51]), — потому что борьба эта была, съ его точки зрѣнія, дѣломъ принципіальнымъ, служеніемъ той *правдѣ*, которую такъ высоко онъ ставилъ въ теченіе всей своей жизни... [52]).

Героическія настроенія переживала Россія съ начала XVIII вѣка: благодаря титанической волѣ Петра, она внезапно явилась изъ небытія, и вся Европа съ изумленіемъ и страхомъ оглянулась на *сѣвернаго* великана... [53]).

Полтавскій бой — это былъ самый величественный моментъ всей русской исторіи XVIII в. Здѣсь на ратномъ полѣ геній Россіи впервые помѣрился силами съ геніемъ Запада и... побѣдилъ его...

Трудно себѣ представить, какое странное измѣненіе должно было произойти въ сознаніи русскаго человѣка, когда онъ, послѣ этой побѣды, мѣрялъ подвигъ свой! Недавно еще ученикъ, *пріученный* на себя смотрѣть чуть ли не съ презрѣніемъ, онъ сразу выросъ въ собственныхъ глазахъ въ титана...

Впечатлѣніе отъ эпохи Петра, отъ славной Полтавской баталіи, опредѣлили паѳосъ героическихъ настроеній всего XVIII-го вѣка. Отблескъ величія лежитъ на всемъ этомъ столѣтіи, бурномъ и блестящемъ, когда съ каждымъ днемъ выростали русскій патріотизмъ, народная гордость и любовь къ родинѣ...

«Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!»

Этотъ гимнъ, сочиненный Державинымъ, прекрасно выражаетъ основныя черты русскаго духа этой бурной и блестящей поры.

«Храбрый Россъ» мѣрялъ свои силы со Шведами, съ Турками, Персами, съ Пруссаками — подъ конецъ вѣка помѣрялъ себя съ цѣлой Европой...

Темнымъ пятномъ на этой ликующей картинѣ лежатъ тяжелые годы русской исторіи отъ смерти Петра до воцаренія Елизаветы Петровны... Тогда часто смѣнялись случайные правители; на престолѣ россійскомъ хозяйничали временщики, и больно страдало разбуженное народное самолюбіе отъ произвола разныхъ большихъ и малыхъ Бироновъ...

Это больно чувствовалъ Ломоносовъ и съ такимъ уязвленнымъ національнымъ самолюбіемъ и въ то же время окрыленный чувствами народной гордости и патріотизма, началъ свою борьбу въ Академіи.

Онъ требовалъ, чтобы академическія деньги шли на русскую науку [54]); онъ требовалъ, чтобы Академія учила русскую молодежь, чтобы шире раскрывалась въ Россіи дорога для русскихъ талантовъ.

Подобно Петру Великому, Ломоносовъ сознавалъ, что безъ заграничныхъ ученыхъ еще не можетъ обойтись Россія; онъ уважалъ «нѣмцевъ», которые такъ много дали ему самому; у него были друзья между иностранными учеными и въ Петербургской Академіи, и заграницей. Онъ постоянно хлопоталъ о приглашеніи новыхъ заграничныхъ ученыхъ въ русскую Академію, но онъ не переносилъ тѣхъ иностранцевъ, которые получали русское жалованье и презирали все русское... Такихъ было немало, особенно благодаря тому исключительному положенію, которое они заняли у насъ при Биронѣ.

Вотъ съ такими-то академическими иностранцами, со всей присущей ему страстностью, и повелъ борьбу Ломоносовъ...

А въ это безпокойное время, когда зорко приходилось слѣдить за каждымъ шагомъ своихъ «враговъ», Ломоносовъ умудрялся заниматься всевозможными науками, искусствами и поэзіей: онъ читаетъ лекціи студентамъ по различнымъ предметамъ, — филологическимъ и естественно-научнымъ, увлекается химическими и физическими опытами, дѣлаетъ открытія, изобрѣтаетъ различные аппараты, изучаетъ старыя русскія лѣтописи, трудится надъ сочиненіемъ русской исторіи, русской грамматики, риторики, произноситъ нѣсколько публичныхъ рѣчей, въ которыхъ восхваляетъ «науку» и выясняетъ ея значеніе русскимъ людямъ.

У него была такая же всеобъемлющая душа, какъ и у его любимаго царя — Петра, котораго Пушкинъ такъ мѣтко опредѣлилъ словами:

«То — академикъ, то — герой,
То — мореплаватель, то — плотникъ.
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ!»

Такимъ же «вѣчнымъ работникомъ» былъ и Ломоносовъ! Среди ученыхъ занятій онъ находилъ еще время отдаваться

и поэтическимъ вдохновеніямъ: сочинялъ торжественныя оды, трагедіи, поэму «Петръ Великій» и перекладывалъ въ стихи тѣ изъ «Псалмовъ» царя Давида, которые были особенно близки его душѣ... Эти переложенія были лучшими поэтическими произведеніями его; въ нихъ онъ выразилъ самыя задушевныя настроенія своей одинокой души, страдающей, мятежной, ищущей примиренія въ общеніи съ Богомъ, въ лицезрѣніи Творца чрезъ его твореніе!

Но въ исторіи русской литературы прославился Ломоносовъ не столько своими переложеніями псалмовъ, сколько торжественными одами.

Прежде, чѣмъ попасть къ намъ въ Россію, этотъ литературный видъ пережилъ большую исторію. Древнегреческій поэтъ Пиндаръ далъ наиболѣе ранніе образцы этого творчества. Онъ воспѣвалъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ грековъ-побѣдителей на разныхъ состязаніяхъ (на играхъ олимпійскихъ, истмійскихъ и др.). Его вдохновенные гимны были отзвукомъ народныхъ чувствъ и реальныхъ переживаній. Изъ римскихъ поэтовъ одами прославился Горацій, который въ своихъ произведеніяхъ выражалъ свои личныя чувства. Особенно извѣстны тѣ его оды, которыя посвящены императору Августу и Меценату. Съ чувствомъ восторга и благодарности, говоритъ Горацій въ своихъ одахъ объ этихъ двухъ высокихъ покровителяхъ.

Когда западная Европа подъ вліяніемъ эпохи Возрожденія заинтересовалась античнымъ міромъ, то и въ области поэтическаго творчества въ моду вошли подражанія греческимъ писателямъ. Пиндаръ и Горацій сдѣлались образцами для тѣхъ поэтовъ, которые близки были къ «сильнымъ міра сего»; подражая этимъ древнимъ поэтамъ въ своихъ хвалебныхъ произведеніяхъ, новые одописцы превозносили своихъ покровителей, при чемъ нерѣдко прибѣгали къ чрезмѣрной лести и преувеличеніямъ.

Особенно опредѣленно сложился характеръ этого творчества при французскомъ дворѣ. Одна изъ французскихъ Академій составлена была изъ поэтовъ и различныхъ худож-

никовъ; члены этой Академіи должны были заботиться о процвѣтаніи поэзіи и искусствъ во Франціи. Имъ же была ввѣрена высокая честь поддерживать блескъ двора устройствомъ различныхъ торжественныхъ собраній и празднествъ, по поводу разныхъ радостныхъ событій изъ жизни короля (коронація, бракосочетаніе, день тезоименитства, день рожденія принцевъ и принцессъ), или государства (военныя побѣды, заключеніе мира и т. п.). Академическіе поэты обязаны были по всѣмъ этимъ поводамъ сочинять поздравительные стихи, хвалебныя оды... За эти привѣтствія получали они награды...

Но, конечно, среди этихъ французскихъ поэтовъ были люди искренніе, которые въ сердцахъ своихъ, дѣйствительно, прочувствовали все величіе славы, въ теченіе XVI, XVII и XVIII-го вѣковъ, озарявшей Францію...

«Торжественная ода» и была наиболѣе характернымъ поэтическимъ выраженіемъ феерическаго блеска французской придворной жизни за эти три вѣка...

Но у многихъ поэтовъ творчество, которое, въ свое время, у Пиндара и Горація было выраженіемъ дѣйствительныхъ переживаній, обратилось въ искусство, даже въ ремесло; холодной вычурностью и дутымъ паѳосомъ, изысканностью образовъ, гиперболизмомъ и риторизмомъ замѣняли они живость и правду чувствъ...

Подражая французскимъ королямъ, и нѣмецкіе владѣтельныя особы — короли, герцоги и князья — завели при своихъ дворахъ придворныхъ поэтовъ... И тѣ, по образцу французскихъ одъ, стали сочинять нѣмецкія... Въ результатѣ, характеръ торжественныхъ одъ дѣлался шаблоннымъ; въ нихъ все болѣе и болѣе испарялось живое чувство, — ее замѣнялъ условный ложный паѳосъ, искусственный восторгъ, фальшивое пареніе...

Въ составъ нашей Петербургской Академіи тоже были приглашены академики-поэты, которые *обязаны* были привѣтствовать одами русскую императрицу въ дни торжественныхъ событій ея жизни... За неимѣніемъ русскихъ поэтовъ приглашены были нѣмецкіе: Юнкеръ, потомъ Штелинъ... Ихъ «торжественныя оды» сочинялись «по правиламъ», — съ соблюде-

ніемъ всѣхъ типичныхъ условностей, присущихъ этому поэтическому виду... Онѣ напыщенны, холодны... Едва-ли эти оды кому-нибудь могли особенно нравиться, — но на нихъ былъ спросъ. Ихъ требовалъ этикетъ, взятый у иностранныхъ дворовъ... На торжественномъ дворцовомъ праздникѣ подношеніе оды было однимъ изъ непремѣнныхъ номеровъ программы торжества...

Нѣмецкія произведенія поэтовъ-академиковъ поручено было переводить сперва Тредіаковскому, потомъ Ломоносову, который своими первыми стихотворными опытами доказалъ, что владѣетъ стихомъ, знаетъ «правила»... Впослѣдствіи къ Ломоносову перешла всецѣло эта обязанность сочинять стихи «на случай»... И вотъ, отрываясь отъ своихъ любимыхъ занятій, отъ книгъ и опытовъ, садился онъ за бумагу и «сочинялъ» къ сроку оды на тезоименитство, на день коронаціи, на побѣды, дни рожденія...

Холодны и неискренни были его первыя произведенія (1741 г.)... Его свободную душу тѣснили рамки «правилъ» и «піитическихъ условностей». Ему было такъ же душно и тѣсно въ узахъ этого творчества, какъ въ бархатномъ камзолѣ съ кружевами... Но, выполняя этикетъ, онъ сочинялъ свои оды и долженъ былъ сдерживать свое свободное вдохновеніе [55]). И все же живое, неумчивое чувство Ломоносова, даже въ первыхъ его произведеніяхъ, пробивается сквозь гнетъ всяческихъ условностей и шаблоновъ... Отъ традиціонныхъ формъ своей торжественной оды онъ не освободился, но онъ все же сумѣлъ въ ней выразить свое искреннее и живое чувство. Это чувство— любовь къ родинѣ и великому Петру...

Тѣ героическія настроенія, которыя переживалъ «храбрый Россъ», возведенный на вершину славы благодаря генію Петра, нашли въ Ломоносовѣ своего пѣвца... Паѳосъ его одъ — *чувство народной гордости...*

Когда на престолъ вступила Елизавета Петровна, въ поэтической дѣятельности Ломоносова наступаетъ свѣтлая пора... Съ воцареніемъ дочери Петра кончилось у насъ хозяйничаніе Бироновъ, — восторжествовали русскія національныя начала.

Ломоносовъ попалъ въ академики, и въ его глазахъ это было торжествомъ русской науки, русскаго народа вообще...

И вотъ, воодушевленный чувствомъ безмѣрной радости и признательности, онъ сдѣлался пѣвцомъ Елизаветы.

Въ ея образѣ для Ломоносова соединилось все, что̀ было ему тогда дорого: Петръ, Россія и науки...

Вотъ почему къ эпохѣ царствованія Елизаветы относятся всѣ лучшія его оды; въ нихъ живая правда настроеній и чувствъ находитъ теперь полное и свободное выраженіе... Что̀ раньше пробивалось наружу маленькими струйками, то теперь вырывается на свободу широкимъ потокомъ, выражаясь въ могучихъ и радостныхъ аккордахъ гимна...

Съ теченіемъ времени и самая форма его «торжественныхъ» одъ мѣняется: чѣмъ свободнѣе чувства поэта, тѣмъ ненавистнѣе для его вдохновенія дѣлаются «правила», шаблоны и традиціи...

Свободное и сильное чувство ищетъ и находитъ для себя соотвѣтствующую форму.

Лучшимъ подтвержденіемъ справедливости этихъ словъ относительно Ломоносова, служитъ одна изъ позднихъ одъ его, въ честь все той же императрицы Елизаветы:

«Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ —
Скрываются поля, брега и понтъ.
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,
Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ,
Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ, —
Открывшись въ теплотѣ, сіяетъ каждый цвѣтъ,
Богатства красоты предъ онымъ отверзаетъ
И свой пріятный духъ, какъ жертву, изливаетъ...
Подобенъ солнцу твой, Монархиня, восходъ,
Который освѣтилъ во тьмѣ Россійскій родъ;
Усердны предъ тобой сердца мы отверзаемъ,
И жертву вѣрности нелестной изливаемъ!»

Въ этомъ стихотвореніи красота и искренность возвышенныхъ чувствъ воплощены въ картину, прекрасную по своей

простотѣ и задушевности. Поэтъ *нашелъ себя* въ этомъ прочувствованномъ стихотвореніи...

Это короткая ода показываетъ, что онъ былъ близокъ къ новому и оригинальному творчеству...

Правда, упоминаются и теперь боги римскіе и греческіе въ его одахъ. Изрѣдка попрежнему Петръ является у него подъ видомъ Нептуна, или Ахиллеса подъ Троей... Встрѣчаемъ мы и теперь въ его произведеніяхъ традиціонный для оды «восторгъ» и «воззванія къ Музамъ». Въ минуты душевнаго подъема, поэтъ попрежнему не только увѣряетъ читателей, что «священный ужасъ» объемлетъ его мысль, но онъ видитъ, «какъ отверзъ Олимпъ всесильный дверь», какъ «брега Невы руками плещутъ», какъ ликуетъ «нимфа Финскаго залива»... Но это все старые, изношенные образы, умирающіе въ его творчествѣ...

За то много новаго найдемъ мы теперь у него: такъ, напримѣръ, восхваленіе природы, ея красотъ, ея творческихъ силъ, ея власти, дѣлается теперь любимымъ мотивомъ его поэзіи.

Онъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ, постигшимъ величіе и красоту природы. Теперь часто замѣняетъ она въ его стихахъ прежній Олимпъ: дѣла людей сопровождаются ея сочувствіемъ: такъ «горы рыдали» и мрачное море стонало, когда погасалъ Петръ. Ломоносовъ первый сумѣлъ найти образъ для воплощенія природы сѣвера, воплотивъ ее въ могучемъ образѣ «Борея съ мерзлыми крылами».

Грандіозность образовъ и картинъ навсегда осталась особенностью одъ Ломоносова: его воображеніе любитъ представлять титановъ, раздирающихъ облака, — онъ вдохновляется величественными картинами созданія міра, претворенія мрака въ свѣтъ, великими явленіями, когда сотрясаются горы и рѣки текутъ вспять... У Ломоносова была душа, которая, по преимуществу, чувствовала «грандіозное».

Много прекрасныхъ образовъ и картинъ найдено имъ. Какъ примѣръ, можно привести слѣдующіе отрывки:

Картина мирной природы:

«Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,

Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь, —
Межъ бисерными облаками
Сіяетъ злато и лазурь»...

Описаніе жаркаго лѣта:

«Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томитъ протяжный день,
Отъ знойной теплоты и свѣта
Прохладна покрываетъ тѣнь,
Отводитъ жаркіе лучи.
Но коль великая отрада,
И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!»

Описаніе коня императрицы:

«Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами
Прекрасной всадницей гордясь» [56]).

Описаніе зари:

«И се уже рукой багряной,
Врата отверзла въ міръ заря, —
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяный
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря» [57]).

Описаніе зари:

«Заря багряною рукой
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собой
Твоей державы новый годъ» [58]).

«Ликующій Петрополь» и «колѣнопреклоненная Москва съ сѣдыми волосами» [59]), — это образы, также впервые введенные въ нашу поэзію Ломоносовымъ. Величіе Петра на ратномъ полѣ впервые оцѣнено имъ [60]).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какъ выросталъ геній Ломоносова изъ тѣсныхъ рамокъ торже-

ственной оды. Чужой, занесенный къ намъ извнѣ, жанръ онъ приспособилъ къ возвышеннымъ настроеніямъ реформированной петровской Россіи... Теперь творчество его освободилось отъ всякой оффиціальности и сдѣлалось правдивымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ чувствъ.

«Ни злости не страшусь, не требую добра,
Не ради васъ пою — для правды, для Петра!»[1]

— восклицаетъ онъ теперь.

Изъ другихъ произведеній его этого періода очень любопытно стихотворное посланіе къ Шувалову: «О пользѣ стекла». Превознося «стекло» за то значеніе, которое оно имѣетъ въ практической и научной дѣятельности человѣка, Ломоносовъ высказываетъ въ этомъ произведеніи свои взгляды на взаимоотношеніе науки и религіи. Выше было отмѣчено, что предки наши считали изученіе природы грѣховнымъ дѣломъ... Устройство громоотвода и во время Ломоносова считалось дерзновеніемъ, возстаніемъ человѣка противъ Бога, «продерзостнымъ сопротивленіемъ гнѣву Божію».

Такая точка зрѣнія была смѣшна для Ломоносова, который, слѣдуя за Лейбницемъ, вѣрилъ, что Богъ далъ міровой жизни законы, и предоставилъ людямъ искать эти законы и пользоваться природой, ея силами.

Вотъ почему нападаетъ онъ рѣшительно на тотъ «слабый умъ», который считаетъ грѣхомъ всякую попытку познать, что̀ такое молнія и громъ. Не отрицая воли Божьей, правящей міромъ, Ломоносовъ считалъ необходимымъ искать ближайшія причины естественныхъ явленій въ дѣйствіяхъ силъ природы.

«Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился» —

— говоритъ онъ, то нужно ли видѣть въ этомъ непремѣнно проявленіе гнѣва Божія. Нельзя-ли неурожай объяснить проще —

«...грѣхъ-ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?»

— т. е., оставить узко-религіозную точку зрѣнія, и, путемъ разума, придти къ естественному объясненію неурожая недостаткомъ плодоноснаго ила, которымъ во время разлива удобряются прибрежныя нивы. Отъ такого объясненія, съ его точки

зрѣнія, нисколько не страдало величіе Бога и не подрывалось религіозное чувство.

Это онъ доказываетъ въ различныхъ произведеніяхъ своихъ, стихотворныхъ и прозаическихъ. Всѣмъ существомъ своимъ прочувствовалъ онъ природу; его душа понимала «поэзію міровой жизни» и славословила мудраго Создателя этой жизни.

Хорошо знакомый съ твореніями отцовъ церкви, онъ цѣнилъ ихъ сочувствіе къ природѣ и желаніе помирить изученіе ея съ вѣрой. «О, если бы въ ихъ время!—сказалъ онъ, извѣстны были изобрѣтенныя недавно астрономическія орудія и открыты тысячи новыхъ звѣздъ! — съ какимъ бы восторгомъ проповѣдники истины возвѣстили о новыхъ свидѣтельствахъ величія, мудрости и могущества Творца!..» «Природа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть Евангеліе, благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество; не только небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію».

Сочинилъ Ломоносовъ и двѣ трагедіи: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ». Оба эти произведенія на сценѣ представлены не были; хотя написаны они хорошими стихами и мѣстами въ нихъ попадаются сильныя сцены и яркіе психическіе моменты, но они славы Ломоносову не прибавили. Точно такъ же особаго успѣха не имѣла начатая имъ и не оконченная поэма: «Петръ Великій». Въ ней интересно посвященіе Шувалову.

Литературная дѣятельность, въ глазахъ Ломоносова не представляла главнаго занятія. Великій поэтъ былъ убѣжденъ, что онъ — прежде всего ученый естествоиспытатель, а поэтъ — «между прочимъ». Вотъ почему больше всего отъ него осталось сочиненій научныхъ. Большой энциклопедистъ, онъ занимался и въ Петербургской Академіи Наукъ самыми различными науками, — физикой, и химіей по преимуществу.

Русской исторіей занялся онъ, полемизируя съ нѣмецкими учеными академиками Миллеромъ и Шлецеромъ, спеціалистами по исторіи. Ломоносова обижало, что эти ученые считали первыхъ русскихъ князей норманнами-скандинавами, Ермака — разбойникомъ, — что они занимались изученіемъ Смутнаго времени. Защищая русскую исторію, Ломоносовъ, въ пылу споровъ, иногда увлекался не въ мѣру; его націоналистическія тенден-

ціи мѣшали ему безпристрастно судить прошлое, — но эти тенденціи возвеличили дѣянія предковъ и будили въ обществѣ патріотизмъ, и тѣмъ сослужили свою службу въ исторіи русскаго національнаго самосознанія: они легли въ основу того народническаго направленія, которое обозначилось при Елизаветѣ, усилилось и опредѣлилось при Екатеринѣ, а при Александрѣ Благословенномъ ярко выразилось въ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина.

Русскіе люди XV—XVI-го вѣка были большими патріотами; они считали себя самыми благочестивыми и добродѣтельными христіанами—своего царя преемникомъ цареградскаго стола — свою Москву—«третьимъ Римомъ»... Но этотъ патріотизмъ граничилъ съ узкимъ и слѣпымъ самодовольствомъ и самомнѣніемъ... Прогресса не могло быть у народа, такъ наивно переоцѣнившаго свою цѣнность.

Другого рода патріотизмъ былъ у Петра, у Ломоносова, у всѣхъ русскихъ людей новаго времени. Они сознали недостатки старины, но не прониклись презрѣніемъ къ родной странѣ и народу, — сознали культурную цѣнность запада, но не сдѣлались иностранцами по духу и страстно защищали родину отъ обидныхъ нападокъ. Уважая себя и все хорошее родное, они цѣнили чужую культуру,—въ соединеніи своего и чужого хорошаго видѣли они въ будущемъ спасеніе Россіи. Ихъ патріотизмъ былъ разумный, и въ немъ были прогрессивныя начала... Будущее русской исторіи оправдало ихъ мудрый патріотизмъ...

Какъ филологъ, Ломоносовъ сослужилъ родной странѣ большую службу. Онъ первый приложилъ сознательныя усилія къ упорядоченію русскаго языка... Когда онъ выступилъ на литературное поприще, нашъ языкъ представлялъ собой пестрое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ: слова и выраженія церковно-славянскія, нѣмецкія, латинское построеніе рѣчи, полонизмы и малоруссизмы, примѣсь русскихъ провинціализмовъ,—все это представляло собой нѣчто пестрое, лишенное всякой характерности и индивидуальности. На этомъ странномъ языкѣ отразилась сложность эпохи, когда при Петрѣ русскій народъ «сплавлялъ» въ своей жизни самыя разнородныя воздѣйствія и вліянія.

Ломоносовъ первый разобрался въ хаосѣ нашего тогдашняго языка и, разложивъ его на существенные элементы, предложилъ теорію о трехъ «штиляхъ»—высокомъ, среднемъ и низкомъ.

Это ученіе довольно правильно опредѣляло различныя стихіи языка, характеръ тѣхъ настроеній, которыя ищутъ себѣ выраженіе въ языкѣ. Указавъ, какимъ настроеніямъ отвѣчаютъ какія слова и выраженія, Ломоносовъ внесъ систему въ русскую рѣчь. Онъ индивидуализировалъ ее, придалъ ей характерность и выразительность; указавъ чуждые и лишніе элементы въ этой рѣчи, онъ очистилъ ее и націонализировалъ.

Вторая половина царствованія Елизаветы Петровны — время расцвѣта духовныхъ силъ Ломоносова... Къ этой порѣ относится все лучшее, созданное имъ въ тѣхъ разнообразныхъ областяхъ, которыя извѣдалъ онъ, жадный къ знанію, упорный въ достиженіи и геніальный въ пользованіи достигнутымъ...

Къ этой порѣ и духовный обликъ его сложился вполнѣ ясно... Теперь онъ торжествовалъ побѣду, теперь онъ менѣе всего заботился о себѣ и свободнѣе служитъ родной наукѣ... Въ это время особенно отчетливо сказалась характерная его черта—удивительное равновѣсіе его внутренняго міросозерцанія... Пусть во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ онъ былъ рѣзокъ и несдержанъ [61]): подобно Бѣлинскому онъ страстно любилъ и страстно ненавидѣлъ... Но въ глубинѣ души это была натура удивительно-гармоничная, объединившая такія крайности, какъ стоицизмъ и эпикурейство. Объ этомъ лучше всего говоритъ самъ Ломоносовъ въ интересномъ своемъ произведеніи: «Анакреонъ и Ломоносовъ».

Греческій поэтъ убѣждаетъ русскаго предаваться радости и воспѣвать любовь. Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей Ломоносовъ чувствуетъ —

> «Жаръ прежній
> Въ согрѣвшейся крови...»

Но воспѣвать утѣхъ любви онъ не можетъ—«струны поне-

волѣ звучали ему геройскій шумъ» и, «хотя нѣжности сердечной» въ любви онъ «не лишенъ», но восхищается онъ болѣе «героевъ вѣчной славой». Анакреонъ продолжаетъ искушать собесѣдника, и тотъ почти сдается его убѣжденіямъ, восклицая:

«Анакреонъ, ты, вѣрно,
Великій философъ!
Ты дѣломъ равномѣрно
Своихъ держался словъ...
Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
Которые писалъ...
Возьмите прочь Сенеку:
Онъ правила сложилъ
Не въ силу человѣку,
И кто по онымъ жилъ!»

Но суровый Катонъ удерживаетъ Ломоносова, и сомнѣнія въ справедливости соблазнительной философіи Анакреона закрадываются въ его сердце, и заключаетъ онъ свою бесѣду съ греческимъ поэтомъ такими словами:

«Анакреонъ, ты былъ роскошенъ, веселъ, сладокъ;
Катонъ старался ввести въ республику порядокъ;
. . . .
Ты жизнь употреблялъ, какъ временну утѣху,
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республикѣ успѣху...
Беззлобна роскошь въ томъ была тебѣ причина, —
Упрямка славная была ему судьбина!
Несходства чудны вдругъ и сходства понялъ я —
Умнѣе кто изъ васъ, другой будь въ томъ судья!»

Умнѣе будетъ тотъ, кто избѣгнетъ односторонности, кто сумѣетъ сочетать суровый и вмѣстѣ свѣтлый взглядъ на жизнь,—любовь къ веселью и радостямъ къ пиру жизни съ постоянной готовностью къ тяжкимъ лишеніямъ, подвигамъ и борьбѣ [62])... Таковъ былъ Ломоносовъ.

Онъ съ родни по духу тѣмъ дѣятелямъ европейскаго гуманизма, которые брали земную жизнь всю безъ ограниченія: радостные, они трудились и бодро выносили борьбу. Могу-

чимъ титанами изъ тьмы вѣковъ встаютъ передъ глазами историка эти носители свѣта, враги тьмы. По своему духу, по своему міросозерцанію — Ломоносовъ принадлежитъ къ ихъ семьѣ. Онъ — *первый нашъ гуманистъ*, въ полномъ значеніи этого слова. Оттого его съ дѣтства такъ тянуло къ *свѣту*, къ звѣздамъ, къ сѣверному сіянію, къ восходящему солнцу... Ему, этому солнцу, воспѣлъ онъ торжественный гимнъ въ своемъ утреннемъ размышленіи... И гимнъ этотъ удивительно сходенъ съ тѣмъ вдохновеннымъ привѣтомъ солнцу, который принадлежитъ другому русскому пѣвцу земли — Пушкина...

«Да здравствуетъ солнце
Да скроется тьма!»

Эти слова могутъ быть взяты, какъ эпиграфъ къ жизнеописанію Ломоносова.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II положеніе Ломоносова пошатнулось: его покровитель Шуваловъ потерялъ при дворѣ значеніе, да и новая царица была, повидимому, предубѣждена противъ «пѣвца Елизаветы». Ломоносовъ и его единомышленники не скрывали своихъ опасеній, что Петръ III и его супруга, будучи нѣмецкаго происхожденія, принесутъ вредъ Россіи и пробудившемуся русскому націонализму. Эти опасенія Ломоносовъ открыто выразилъ въ одѣ на восшествіе Екатерины II на престолъ. Рѣзко осудивъ политику Петра III, въ словахъ:

«Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О, стыдъ, о странной оборотъ!
Чтобъ кровью купленны Трофеи
И побѣдителей злодѣи
Пріобрѣли въ напрасной даръ!

— Онъ даетъ затѣмъ рядъ характерныхъ совѣтовъ Екатеринѣ:

«Услышьте, Судіи земные
И всѣ державныя главы:

Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы.
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ!
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ!
О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оставятъ
Отъ тѣсноты своей, въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру.
Она — свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
Твердѣе всякаго щита.

Далѣе слѣдуетъ характерное обращеніе къ «нѣмцамъ», которые во время кратковременнаго царствованія Петра III опять заняли въ Россіи привилегированное положеніе:

«А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство, вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Безпреткновенно приносить, —
На толь склонились къ вамъ Монархи
И согласились Іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ — вредить?
И вмѣсто, чтобъ вамъ быть между нами.
  Въ предѣлахъ должности своей;
  Считать насъ вашими рабами
  Въ противность истинѣ вещей?
  Искусство нынѣшне доводомъ,

Что было надъ Россійскимъ родомъ
Умышленно отъ вашихъ главъ.
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденію Трона,
Къ рушенію народныхъ правъ».

Всѣ эти строки очень характерны, онѣ свидѣтельствуютъ, что даже у Ломоносова «торжественная ода» могла сдѣлаться поэтическимъ жанромъ жизненнымъ — отраженіемъ общественныхъ переживаній [63]). Этотъ «публицистическій» характеръ и поддержалъ существованіе оды вплоть до начала XIX-го столѣтія...

Приведенныя строфы свидѣтельствуютъ, чего боялся Ломоносовъ. Его опасенія, въ этомъ отношеніи, были напрасны. Какъ извѣстно, умная Екатерина рѣшительно взяла національный курсъ, — (очевидно къ ея времени этотъ курсъ былъ очень силенъ въ русскомъ обществѣ!) и постаралась поскорѣе «обрусѣть».

Тѣмъ не менѣе, къ «пѣвцу Елизаветы», какъ и къ многимъ другимъ дѣятелямъ елизаветинской эпохи, относилась она сдержанно. На судьбѣ Ломоносова это сразу сказалось. Сильный прежде поддержкой Шувалова Ломоносовъ, мало-по-малу, очень укрѣпилъ свои позиціи въ Академіи и сумѣлъ укротить Шумахера. Теперь, враги его подняли голову... Несдержанный и самонадѣянный, онъ постоянно давалъ поводы къ разнымъ обвиненіямъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Ломоносовъ, правда ненадолго, былъ отставленъ отъ Академіи по желанію императрицы. Свою ошибку она скоро исправила, но впечатлѣніе отъ обиды осталось навсегда въ сердцѣ Ломоносова.

Къ тому же онъ къ этому времени недомогалъ и физически, и духовно. Богатырскія силы, истраченныя въ титанической борьбѣ съ жизнью и людьми, измѣняли ему.

И вотъ, въ настроеніи его замѣчаемъ мы новыя черты, совершенно чуждыя его натурѣ — тоску и разочарованіе. Въ письмахъ его теперь чувствуется горечь и тихое смиреніе; нѣтъ прежняго задора [64]).

Въ черновыхъ его бумагахъ послѣдняго періода нашлись такія строки, которыя имѣютъ автобіографическое значеніе: «Multa tacui, multa pertuli, multa concessi. За то терплю, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство pro aris. Я не тужу о смерти — пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ!» [65]).

Императрица Екатерина лично посѣтила его незадолго до его смерти... Вотъ, какъ описываетъ это посѣщеніе Е. Р. Дашкова въ своихъ запискахъ: «незадолго до кончины его, пріѣзжаю во дворецъ, и государыня съ прискорбіемъ сказала мнѣ: «нашъ Михайло Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился! поѣдемъ къ нему. Онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлаютъ!» Немедленно отправились мы къ поэту и застали его въ глубокой задумчивости у большого стола, на которомъ были разложены химическіе аппараты. Въ камелькѣ огонь, какъ будто прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ... Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ докладу. Но, услыша привѣтъ Императрицы: «здравствуйте, Михайло Васильевичъ!» онъ вскочилъ, какъ будто спросонья... Екатерина повторила: «здравствуйте, Михайло Васильевичъ!.. Я пріѣхала съ княгиней посѣтить Васъ, услышавъ о Вашемъ нездоровьи, или лучше сказать о вашей грусти!..» Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ. Наконецъ, онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, Государыня, не я нездоровъ, не я грустенъ,— больна и грустна душа моя!» [66]).

Болѣла душа Ломоносова, главнымъ образомъ, потому, что тщетны были усилія его создать и упрочить русскую науку — съ одной стороны иностранные ученые-наемники совсѣмъ не заботились о насажденіи этой науки, съ другой стороны высшія власти холодно и равнодушно относились къ хлопотамъ Ломоносова устроить университетъ въ Петербургѣ, улучшить народное и среднее образованіе. Да и со стороны молодежи не видѣлъ онъ поддержки своимъ страстнымъ стремленіямъ. — И онъ, упорно вѣрившій когда-то, что Россійская земля можетъ рождать «собственныхъ Платоновъ» и «Невтоновъ» на склонѣ лѣтъ сталъ терять эту увѣренность: «вѣрить должно,—сказалъ

онъ какъ-то, объятый грустью великой, что нѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы науки возросли и распространились въ Россіи» [67]). По этой причинѣ болѣла утомленная душа великаго человѣка... И грустно умиралъ онъ, 54 лѣтъ отъ роду, состарившись раньше времени. Вотъ, какъ послѣднія его минуты описываетъ его другъ акад. Штелинъ: «Смерть встрѣтилъ съ духомъ истиннаго философа. Сказалъ: «жалѣю только, что покидаю недосовершеннымъ то, что̀ задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ...» [68]).

Прекрасна и назидательна была вся жизнь Ломоносова — прекрасна и смерть его (4 апр. 1765 г.)... Самоотверженный подвижникъ, онъ свято и неустанно служилъ своему долгу... И умеръ на своемъ посту, съ думами о томъ, что̀ было ему дорого въ теченіе его жизни...

Герценъ въ одной изъ своихъ работъ высказалъ удивительно красивую мысль: «Петръ Великій бросилъ вызовъ Россіи, и она отвѣтила ему Пушкинымъ». Но мысль эта нуждается въ исправленіи... Не однимъ Пушкинымъ отозвалась Русь на вызовъ, брошенный ей... Она отозвалась гораздо раньше Пушкина многими видными и характерными выразителями народнаго духа: Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, Посошковымъ, Татищевымъ, Кантемиромъ и особенно энергично отозвалась эта встревоженная Русь — Ломоносовымъ.

Энергичный и неутомимый, бодрый и жизнерадостный, этотъ гигантъ — родной братъ Петра... Ломоносовъ былъ воспитанникомъ великаго царя, и сдѣлался его пѣвцомъ, идеалогомъ и апостоломъ новой русской жизни...

Вспоминая нынѣ его многотрудную и самоотверженную жизнь, личность и возсоздавая мысленно его незабвенныя черты, мы съ чувствомъ радостной гордости и спокойной вѣры въ будущее нашего народа, можемъ сказать:

Да!
«Можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!

В. Сиповскій.

[1]) Годъ рожденія Ломоносова опредѣлялся весьма различно: 1709, 1710, 1711, 1712 и 1715-ымъ. (Пекарскій, «Исторія Имп. Ак. Наукъ», 267. См. еще: І. Сибирцевъ, Къ біографическимъ свѣдѣніямъ о М. В. Ломоносовѣ. Арх. 1911 г.). Въ Академіи Наукъ недавно найдены документы, опредѣляющіе годъ рожденія Л—ва *1711*-ый г.

[2]) Пекарскій. Ист. Имп. Ак. Наукъ, т. II, 267. Жизнеописаніе Ломоносова (Труды Имп. Росс. Акад., т. IV. Спб. 1840-41, 53). Земляки такъ характеризовали его: «человѣкъ простосовѣстный, къ сиротамъ податливый, съ сосѣдьми обходительный» (Избр. соч. М. В. Л—ва, изд. П. Перевлѣсскаго. М. 1846, IX. «Путеш. акад. Лепехина Спб. 1804, IV). Самъ Л—въ называлъ своего отца человѣкомъ «по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго»... Билярскій 210, «Матеріалы».

[3]) «Жизнеописаніе Ломоносова» (Труды Имп. Росс. Акад. т. IV. Спб. 1840-41, 53).

[4]) В. Верещагинъ, «Очерки Архангельской губерніи», Спб. 1849. Пекарскій. Op. cit, 265, 373.

«Скорбный видъ окрестностей деревни Денисовки. Низменный островъ, едва не поднимаемый въ полую воду разливомъ Двины; низенькія, болотистыя кочки, разсыпанныя между деревнями, которыхъ такъ много на Куръ-Островѣ; старыя бревенчатыя избы деревень этихъ; болотины между холмами съ просачивавшейся грязной водой; прибрежья, со всѣхъ сторонъ затянутыя чахлымъ ивнякомъ, изъ-за котораго въ одну сторону видны Холмогоры со своими старинными церквами, давними преданіями; повсюду—жизнь, закованная въ размѣренную, однообразную среду, въ одни помыслы о тяжкой трудовой жизни на промыслахъ... Изъ того же ивняка, съ противоположной стороны, на горѣ открывается новый видъ: видъ села Вавчуги. Тамъ живутъ свѣжими преданіями о Петрѣ В.; тамъ еще недавно былъ онъ, гостилъ не одни сутки у богатаго, умнаго владѣльца Вавчуги Баженина, котораго любилъ ласкать и жаловать великій Императоръ» (Ламанскій, 24).

[5]) Природу своей родины Л—въ полюбилъ на всю жизнь. Въ поэмѣ: «Петръ Великій» онъ такъ повѣствуетъ о пребываніи Петра на сѣверѣ:

«Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ
Къ *любезнымъ* берегамъ полночныхъ бѣлыхъ водъ—
Гдѣ прежде межъ волны душа въ немъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда воспламенилась.
О, коль счастлива ты, *великая Двина*,
Что славнымъ шествіемъ его освѣщена...

Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что, устьями своими
Сливаясь въ сонмъ единъ со безднами морскими
Открыла посреди играющихъ валовъ
Другихъ всѣхъ прежде струй пучинѣ зракъ Петровъ!
О, *холмы красные!* и *островы зелены*
Какъ радовались вы, симъ счастьемъ восхищенны» (Соч. II, 186).

И природу сѣвера изображалъ онъ не разъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ (Ср. II, 189, 207).

[6]) «Деревенская жизнь, морскія плаванія, борьба съ суровой природой, страшныя физическія лишенія, съ которыми неразлучна жизнь поморовъ, не только развили въ Ломоносовѣ необычайныя физическія, но и нравственныя силы, закалили его характеръ, приготовили его къ борьбѣ, подвигамъ и испытаніямъ, ожидавшимъ его на другихъ поприщахъ. Л—въ, еще юношей, такъ часто видалъ и испытывалъ всякія опасности, такъ близко бывалъ къ смерти, что страхъ ея былъ ему совершенно незнакомъ, и всю свою жизнь онъ оставался вѣренъ этому чисто-христіанскому воззрѣнію на смерть, которое вообще глубоко проникло въ русскаго крестьянина: непреклонная сила и мужество, безстрашіе, всегдашняя готовность ринуться въ борьбу—таковы всегда были высшія идеальныя требованія Л—ва, природа котораго исполнена была этой энергіей жителей сѣвера.

«Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе!
Лишаетъ долгой зной здоровья и ума,
А стужа въ сѣверѣ истожитъ вредъ сама!» — (II, 189).

Любимѣйшій образъ Л—ва—образъ величавой несокрушимой скалы:

«Какъ верхъ высокія горы,
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары
Не можетъ вихрь его достигнуть
Ни громы страшные подвигнуть!
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами пути попираемъ,
Угрюмы бури презираетъ
Смѣется скачущимъ волнамъ!»—(I, 141, еще: I, 93).

[7]) О дѣтской наблюдательности его свидѣтельствуютъ современники въ «Москвитянинѣ» (1853, т. I, отъ IV); указано что «будучи подросткомъ, Ломоносовъ на родинѣ дѣлалъ наблюденія, изучалъ природу, собиралъ рѣдкости». Въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ, напр., въ «Описаніи сѣверныхъ путешествій» Ломоносовъ разсказываетъ о направленіи вѣтровъ, объ измѣненіяхъ въ этихъ направленіяхъ—очевидно до 19 лѣтъ онъ былъ очень наблюдателенъ и внимательно всматривался въ жизнь природы (В. Ламанскій, М. В. Ломоносовъ, Спб. 1863, 29). Въ статьѣ объ электричествѣ Л—въ вспоминаетъ свѣченіе моря (тамъ же, 30). Бытность свою заграницей онъ сравниваетъ одну мѣстность въ Германіи съ берегами Бѣлаго моря во время отлива и дѣлаетъ заключеніе, что и то мѣсто, которое онъ видѣлъ въ Германіи, было морскимъ дномъ. Мечты его открыть морской путь въ

Америку по Сѣверному Ледовитому океану — путь чисто-«поморскій» (тамъ же, 31); эти мечты отразились и въ его творчествѣ («напрасно строгая природа отъ насъ скрываетъ мѣсто входа» и пр.). Ламанскій по этому поводу говоритъ слѣдующее: «созерцанія величавыхъ явленій сѣверной природы, морскія плаванья, постоянное обращеніе съ мореходами,—словомъ всѣ дѣтскія, отроческія и юношескія впечатлѣнія, представленія и опыты Л—ва были, такъ сказать, зародышами, которые созрѣли въ немъ впослѣдствіи при соприкосновеніи его съ западной образованностью при формальномъ его развитіи и выродились въ замѣчательныя теоріи: о теплѣ и стужѣ, объ образованіи льдовъ, о дѣйствіи внутренняго подземнаго огня, о возможности проникнуть Сѣвернымъ Океаномъ въ Америку, теоріи электричества, магнетизма» и т.д. (тамъ, же 32). Воспоминанія о своихъ морскихъ поѣздкахъ выразилъ онъ въ одной одѣ («Когда по глубинѣ невѣрной»... Пекарскій. «Исторія Имп. Акад. Наукъ», 269). Наблюдалъ онъ и жизнь лопарей (тамъ же, 271).

[8]) Отеч. Зап. 1829, т. 37, № 105, 167.

[9]) Пекарскій, op. cit., 269. Новѣйшій біографъ Ломоносова І. Сибирцевъ большое значеніе въ дѣлѣ образованія приписываетъ дьячку Семену Смолиныхъ (или Сабельникову); онъ немного зналъ даже латинскій языкъ (21). Тотъ же Сибирцевъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ архіерейской школѣ въ Холмогорахъ (21). Въ 1723 г. при Холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ архіепископомъ Варнавою, западно-руссомъ, воспитанникомъ Кіевской академіи и бывшимъ учителемъ Московской славяно-латинской академіи, была учреждена славяно-латинская школа, въ которую забирали священническихъ и причетническихъ дѣтей и обучали ихъ— букварю, грамматикѣ и, между прочимъ хотя и не сразу, латинскому языку по учебнику Альвара» (op. cit., 21).

[10]) «Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика», что сверстники его потѣшались надъ нимъ и даже его колотили изъ зависти, но не могли отучить его отъ чтенія (Пекарскій, 279). І. Сибирцевъ указываетъ, что къ семьѣ Ломоносовыхъ былъ близокъ дьячекъ Семенъ Смолиныхъ (или Сабельниковъ); возможно, что онъ обучалъ церковному обиходу нѣсколькихъ ребятъ; что давалось легко Л—ву, то не давалось имъ, за что они и платились; только этимъ можно объяснить возникновеніе «зависти» у сверстниковъ къ удачамъ Л—ва. Л—въ еще крестьяниномъ зналъ наизусть большую часть церковныхъ пѣсенъ, каноны Іоанна Дамаскина и пр. Они развили въ немъ глубокое внутреннее благочестіе, чистый взглядъ на вѣру и на ея отношеніе къ наукообразному, отвлеченному знанію (Ламанскій, 37).

[11]) Также см. у Ламанскаго, 38. «Опытъ Истор. Словаря» Новикова, который утверждаетъ, что увлеченіе Псалтиремъ развило въ Ломоносовѣ охоту къ поэзіи. Особенно понятно сдѣлается это увлеченіе, если мы припомнимъ, что Псалтирь была въ рукахъ Ломоносова переложенная на стихи. «Псалтирь царя и пророка Давида художествомъ риомотворнымъ—равномѣрно слоги и согласно конечно— предложенная Симеономъ Полоцкимъ и отпечатанная въ Москвѣ въ 1680 году, была, какъ и другія риѳмованныя сочиненія Полоцкаго».—«Вертоградъ многоцѣнный» и «Риомологіонъ» довольно распространены между грамотными людьми. Всѣ эти книги извѣстны были и въ Холмогорахъ, особенно ученикамъ пѣвческой и подья-

ческой школы архіепископа Афанасія и вообще—грамотной молодежи, которую занимала риомованная рѣчь: въ числѣ разныхъ подписей на книгѣ хлѣбной раздачи холмогорскаго архіерейскаго дома за 1695—96 гг. мы встрѣтили такую изъ Риомологіона:

Орле, восплещи крылы, двоеглавный,
Вознеси скиптръ высокодержавный.

(Сибирцевъ, 16).

[12]) Быть можетъ, раскольники прельстили его сильный духъ своей непреклонной энергіей и твердостью души. Они сотнями сжигали себя, не желая отступиться отъ своихъ вѣрованій (Пекарскій, 372). Въ этомъ было что-то могучее, стихійное, и оно должно было нравиться Ломоносову. Въ духовныхъ пѣсняхъ раскольниковъ выражалось ихъ суровое, непреклонное міросозерцаніе. Эти пѣсни, конечно, слышалъ Л—въ и, вѣроятно, юная душа его переживала соотвѣтственныя настроенія:

«Не страшись, душа, страха тлѣннаго,
Поминай, душа, страхъ вѣчный!
Возверзи печаль свою на Господа,
Предай самъ себя въ руцѣ Божіи,
Изведи воды изъ очей своихъ,
Омывай черность свою грѣховную,
Самовластіемъ очерненную
Вѣрою наступи на главу змія
Любовію зри къ самому Богу» (Ламанскій, 29).

Ламанскій въ своей статьѣ указываетъ, что дѣтство Ломоносова совпало какъ разъ съ эпохой броженія среди раскольниковъ: «въ то время господствовало на поморьѣ особенно возбужденное настроеніе умовъ: самые высшіе вопросы—религіозные, глубоко занимали народное вниманіе: по городамъ и селамъ бродили послѣдователи Аввакума, распѣвали стихи раскольниковъ, осуждали Петра и новую Русь»:

«Духовный законъ, съ корене съсѣлъ,
Законъ градской въ конецъ истребленъ
Въ закона мѣсто водворилось
Беззаконіе и нечестіе,
Миръ съ любовію оставили землю,
Блудъ со злобой и нечистотой
На мѣсто любви водворилися,
Съ пути христіанскаго совратилися,
Къ обычаямъ странъ поганыхъ
Любезно всѣ склонялися!» (Ламанскій, 28).

[13]) Тотъ моментъ, когда Л—въ сознательно вернулся къ православію, былъ рѣшительнымъ въ исторіи его міросозерцанія.

Свѣтлыя преданія о Петрѣ В., живо сохранившіяся въ сосѣдствѣ —

въ селѣ Вавчугѣ и въ Холмогорахъ, много содѣйствовали его выходу изъ раскола (Ламанскій), «но ученіе его (раскола) не могло не имѣть вліянія на даровитаго мальчика и, взволновавъ его душу сомнѣніями, должно было разбудить дотолѣ спавшія въ немъ силы, развить въ немъ мысль и наблюдательность, привычку къ анализу и преніямъ. Дерзость прежняго отрицанія и добровольный сознательный переходъ въ православіе должны были утвердить въ геніальномъ юношѣ крѣпость нравственныхъ убѣжденій, поселить въ немъ всегдашнюю готовность и рѣшимость жертвовать всѣмъ для высшихъ цѣлей духа» (Ламанскій, 29). Мнѣніе Ламанскаго о рѣшительномъ значеніи личности Петра въ исторіи ломоносовскаго раскольничества, находитъ основаніе въ указаніяхъ новѣйшаго біографа г. Сибирцева, который отмѣтилъ, что въ семьѣ своей Л—въ встрѣчалъ поклонниковъ великаго царя. У него былъ дѣдъ Лука Ломоносовъ, бодрый старикъ, ходячая лѣтопись русской исторіи XVII-го вѣка. «Изъ родственниковъ М. В., говоритъ Сибирцевъ, чаще всего могъ посѣщать домъ старика Луки Ломоносова, гдѣ его не только никто не укорялъ, никто не выражалъ ему своего неудовольствія, но гдѣ онъ могъ находить даже поощреніе своимъ стремленіямъ, и пріобрѣтать новыя свѣдѣнія. Сыновей Луки Ломоносова въ то время уже не было въ живыхъ, а единственный внукъ его—Никита Ломоносовъ, выучившійся грамотѣ въ семьѣ дяди, теперь служилъ въ Архангельской портовой таможнѣ и, *стремясь видѣть и знать больше*, ѣздилъ даже въ Петербургъ—«парадизъ» преобразователя Россіи. Но что особенно важно, самъ Лука Леонтьевичъ, будучи современникомъ длиннаго ряда государственныхъ и мѣстныхъ событій, могъ разсказывать любознательному юношѣ Ломоносову о многомъ, имъ слышанномъ и видѣнномъ. Особенно интересны могли быть его разсказы по личнымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ 28 іюля 1693 г., послѣ долгихъ ожиданій, «объявился отъ Куроострова своими судами великій государь... на семи стругахъ, а великаго государя стругъ впереди всѣхъ шелъ», какъ затѣмъ, государь былъ встрѣченъ на Холмогорахъ и «шествовалъ съ бояры и со всѣми чиновными людьми чрезъ городъ явнымъ царскимъ лицомъ въ каретѣ» (Двинск. лѣт. изд. А. Титова, 1889, 63—4). Могъ Лука Леонтьевичъ разсказывать, какъ государь былъ въ Вавчугѣ у Бажениныхъ, какъ просто обращался съ народомъ, какъ плавалъ по Бѣлому морю и въ Соловецкій монастырь, какъ собственными руками заложилъ въ Соломбалѣ корабль, какъ едва не погибъ въ Унскихъ Рогахъ и мн. др. (op. cit. 19).

[14]) Пекарскій, 269.

[15]) С. Смирновъ. Исторія Моск. Слов. гр.-лат. академіи. М. 1855, 250.

[16]) Жизнеописаніе Ломоносова («Труды Имп. Росс. Академіи», т. IV. Ламанскій, 38. Спб. 1840-41, 556).

[17]) «Имѣючи отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго и злую, завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу попустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и холодъ» (Билярскій, 210).

[18]) Годъ отбытія Л—ва въ Москву показываютъ различно. Въ волостной книгѣ для записей поручителей этимъ годомъ показанъ 1730 («1730 г. 7 Дек. отпущенъ

Михаилъ Васильевъ сынъ Ломоносовъ къ Москвѣ до Сентября 1731 г.») (Путешествіе Лепехина. Спб. 1805, Пекарскій, 278—9, I. Сибирцевъ, op. cit. 22), Штелинъ указываетъ на 1728-ой годъ (Москвит. 1853—I, 24).

[19]) Пекарскій 278-9.

[20]) Въ «Тамирѣ и Селимѣ» есть строки, вѣроятно, имѣющія автобіографическое значеніе; въ этихъ стихахъ выразилъ Ломоносовъ свои душевныя переживанія, которыя онъ узналъ, когда уѣзжалъ изъ отчаго дома:

«Владѣетъ нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ,
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть!
Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ,
То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть!
Какая польза тѣмъ что въ старости глубокой
И въ тьмѣ безславія кончаютъ долгой вѣкъ
Добротами всходитъ на верхъ хвалы высокой
И славно умереть родится человѣкъ!»

[21]) Пекарскій, 280.

[22]) Ламанскій, 62.

[23]) Существуютъ свѣдѣнія, что онъ здѣсь уже послѣ двухъ лѣтъ изученія языка сочинялъ стихи на лат. языкѣ (Пекарскій, 284, Смирновъ, Исторія Моск. Сл.-Греко-Лат. Акад. 25). Куникъ говоритъ, что дошло такихъ стихотвореній десять (Сборн. матеріаловъ для Истор. Имп. Ак. Н. въ XVII в., ч. II, Спб. 1865, XXII). Можетъ быть началъ изучать лат. яз. Ломоносовъ еще на родинѣ. Другъ ихъ семьи дьячекъ Семенъ Смолиныхъ (Сабельниковъ) немного зналъ латинскій языкъ; да и въ Холмогорахъ была архіерейская школа съ лат. языкомъ.

[24]) Куникъ, op. cit., 380 (Штелинъ).

[25]) «Здѣсь попало ему въ руки малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ» (Пекарскій 284).

[26]) Маякъ 1842, т. 2, № 4, 82.

[27]) Въ трагедіи Л—ва: «Тамира и Селимъ» есть одно мѣсто, которое имѣетъ автобіографическое значеніе:

«Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя извѣстна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ тобой
Бывала-ль красота очамъ моимъ прелестна,
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые брамины
Съ младенчества въ моей оставили крови,—
Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ Москвы...
Я больше, какъ рабовъ, имѣлъ себя во власти,
Мой правъ былъ завсегда уму порабощенъ.
Преодолѣнныя имѣлъ подъ игомъ страсти
И мраку ихъ не зналъ, наукой просвѣщенъ,
Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брегу» (Ламанскій, 63).

«Въ Л—вѣ семинаристѣ образовался строгій, суровый взглядъ на жизнь, какъ

на рядъ личныхъ подвиговъ и самопожертвованій. Впрочемъ, онъ умѣрялъ въ немъ его живымъ пылкимъ нравомъ, его доброю и страстною натурою» (Тамъ же, 64).

[28]) Куникъ, op. cit., 384.

[29]) По его словамъ, «въ Кіевѣ, противъ чаянія своего, нашелъ пустыя только словопренія аристотелевой философіи» (Пекарскій, 284). Характерно въ этомъ отрицательномъ отношеніи Ломоносова къ средневѣковой схоластикѣ умѣніе критически къ ней относиться, стать по отношенію къ ней на точку зрѣнія гуманистовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ не сошелъ никогда. Позднѣе говоритъ онъ слѣдующее: «Декарту мы особливо за то благодарны, что онъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ самого себя и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію» (Тихоправовъ, соч. III, 7).

[30]) Сб. ст. Второго отд. Имп. Ак. Наукъ, т. 2, XIV.

[31]) Штелинъ указываетъ на 1733-й годъ.

[32]) Пекарскій, op. cit, 288.

[33]) Тамъ-же, 288.

[34]) Прибылъ въ Марбургъ Л—въ 3 Ноября 1736 (Пекарскій, 291).

[35]) Въ инструкціи, данной Л—ву и его товарищамъ, указано, что они во всѣхъ мѣстахъ своего заграничнаго пребыванія должны были показывать «пристойные нравы и поступки, изучать химическую науку и горныя дѣла, а также учиться и естественной исторіи и физикѣ, геометріи, тригонометріи, гидравликѣ и гидротехникѣ. Кромѣ того изучать русскій языкъ, латинскій, французскій, нѣмецкій и рисованіе» (Пекарскій. 289).

[36]) Онъ популяренъ былъ и у насъ. Такъ имъ интересовался Ѳеофанъ Прокоповичъ и, когда шли переговоры о пріѣздѣ Вольфа къ намъ въ Россію, онъ очень этого желалъ (В. Р. «Новые матеріалы для біогр. Л—ва». Совр. 1860, № 11, 438). Вольфъ, терпѣвшій и на родинѣ гоненія со стороны духовенства, отказывался, опасаясь въ Россіи возбудить къ себѣ отрицательное отношеніе со стороны русскихъ церковниковъ. Шумахеръ писалъ ему по этому поводу: «русское духовенство теперь сильно занято работою надъ приведеніемъ религіи въ резонабельное состояніе и очищеніе ея отъ всякой bigoterie. Епископъ псковскій (Ѳеофанъ Прокоповичъ?), человѣкъ ученый и умный, которому мы бо̀льшею частью обязаны хорошими порядками въ Синодѣ и за разные церковные регламенты, часто со своей стороны говорилъ съ похвалой о васъ, и, какъ любитель, физическихъ опытовъ, сильно желаетъ вашего присутствія и руководства» (Буличъ, Рецензія на книгу: «Briefe von Ch. Wolff», «Моск. Вѣд.» № 253, 2008). По словамъ акад. Сухомлинова, Ѳеоф. Прокоповичъ въ своей рѣчи о флотѣ сталъ на точку зрѣнія вольфовскаго закона достаточнаго основанія (Сухомлиновъ, 146).

[37]) По словамъ проф. Булича, «заслуга Вольфа состоитъ въ томъ, что онъ привелъ философію своего времени въ такую строгую и полную систему, какой не было со временъ Аристотеля» (Буличъ, Рецензія на книгу: «Briefe von Ch. Wolff» «Моск. Вѣд.». № 253,2007). Для Ломоносова интересно, что Вольфъ первый изъ нѣмецкихъ философовъ обратилъ вниманіе на выработку нѣмецкаго философскаго языка. «Высшая цѣль моей жизни, говорилъ онъ, есть успѣхъ наукъ и притомъ на нѣмец-

комъ языкѣ» (ib.—2007) Любопытно также, что онъ былъ простого званія. Отецъ его былъ простымъ кожевникомъ, страшно хотѣлъ заниматься науками, но по бѣдности долженъ былъ отъ мечты своей отказаться. (Сухомлиновъ, «Ломоносовъ, студентъ Марбургск. у-та»). Тогда онъ рѣшилъ дать образованіе сыну. Когда Ломоносовъ познакомился съ Вольфомъ, онъ былъ въ апогеѣ славы: считался «міровымъ мудрецомъ» (тамъ же, 139). Онъ былъ большимъ энциклопедистомъ, такъ какъ изучалъ всеобщую математику, алгебру, астрономію, физику, оптику, механику, военную и гражданскую архитектуру, логику, метафизику, нравственную философію, политику, естественное право, народное право, географію (139).

[38]) «Не разрывая съ преданіемъ, идущимъ со времени Реформаціи, Вольфъ независимо относился къ вопросамъ, считавшимся неприкосновенными для людей, защищавшихъ точку зрѣнія положительной религіи. Идеи его о вселенной и объ основаніяхъ нравственности, совпадаютъ, по его собственному признанію, съ ученіемъ Христа и апостоловъ; онъ стремился даже, посредствомъ математической методы, доказать, съ неопровержимою убѣдительностью, истины, открываемыя христіанствомъ. «Воля Божія, училъ онъ, есть высшая причина существованія всѣхъ вещей, но на нее можно ссылаться только тогда, когда спрашиваютъ, почему что-либо существуетъ, а отнюдь не тогда, когда желаютъ знать, какимъ образомъ то, или другое возможно»... «Если въ физикѣ спрашиваютъ, отчего гремитъ громъ, то это значитъ, какія естественныя причины производятъ грозу, и только тотъ, кто не заботится о ближайшихъ причинахъ, можетъ сказать, что грозу посылаетъ Богъ». Вѣрнѣйшій путь къ примиренію науки съ вѣрою Вольфъ видитъ въ изученіи природы.—«Если бы, говоритъ онъ, глубже изучили физику, то увидѣли бы, что въ каждомъ твореніи, какъ бы оно ничтожно ни было, сокрыто многое для познанія Творца; и вмѣсто того, чтобы преслѣдовать науку, надо обращать ее въ славу Бога» (М. Сухомлиновъ, op. cit., 142—4).

[39]) Ср. въ драмѣ Островскаго: «Гроза» слова купца Дикого, сказанныя Кулигину. До Ломоносова у насъ разсуждали такъ: «Что повелѣно тебѣ, о томъ размышляй, а что сокрыто, того не изслѣдуй: о, если бы кто держалъ бичи надъ моими мыслями!» (Сухомлиновъ, 145). «На общемъ безразличномъ объясненіи всего посредствомъ *непостижимыхъ* путей Промысла, безъ изслѣдованія причинъ ближайшихъ, остановились неглубокіе люди и съ труднѣйшими вопросами науки и жизни порѣшили коротко, хотя и неясно: «чему быть, тому не миновать», или еще: «это не нашего ума дѣло». При подобномъ взглядѣ философскій *законъ достаточнаго основанія*, возведенный въ принципъ Лейбницемъ и Вольфомъ, былъ для тогдашняго рускаго общества «смѣлою новостью» (Сухомлиновъ, 146).

[40]) Сухомлиновъ, «Л—въ, студентъ Марб. у—та», 159—160, Куникъ, 304-5 и др.

[41]) У Ломоносова встрѣчаемъ мы такой гимнъ человѣку: «образованность» и «свободный опытъ» говоритъ онъ, гонятъ:

«... глубокую невѣдѣнія тьму
Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ,
Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ!»

«Это гордое сознаніе, наполняющее душу новаго русскаго человѣка, не могло

умѣститься въ тѣхъ узкихъ и нерусскихъ формахъ, которыми довольствовался въ Россіи XVII-ый вѣкъ». (Тихонравовъ, Соч. II, 17).

[42]) Напр.: «Одна съ Нарцисомъ мнѣ судьбина»... «Нимфы коло насъ кругами», «Весна тепло ведетъ»...

[43]) Куникъ, 307—327, 334—5.

[44]) Въ своемъ отзывѣ о Генкелѣ Л—въ выразилъ рѣзко присущій ему критицизмъ, который, впрочемъ, щадилъ Вольфа: «сего господина (Генкеля) могутъ почитать идеаломъ только тѣ, которые коротко его не знаютъ. Я же не хотѣлъ бы промѣнять на него свои, хотя и малыя, но основательныя знанія, и не вижу причины, почему мнѣ его почитать своею путеводною звѣздою и единственнымъ спасеніемъ» (Пекарскій, 303. Куникъ, 334—6).

[45]) Пекарскій, 304.

[46]) Тамъ же, 309—10, 305.

[47]) Любопытно, что во время этихъ скитаній, полуголодный и безъ денегъ, онъ умудрился заниматься у разныхъ ученыхъ, съ которыми встрѣчался по пути (Пекарскій, 305—306, Куникъ, 394).

[48]) Характерный для тогдашней Академіи случай произошелъ съ проф. физики Еппнусомъ. Ломоносовъ заявилъ академикамъ, что изобрѣлъ трубу, въ которую можно было смотрѣть въ сумерки яснѣе, чѣмъ днемъ. Еппнусъ доказывалъ, что этого быть не можетъ. Когда труба была сдѣлана и произведенъ былъ съ ней опытъ, Еппнусъ все-таки не сдавался: «слушать не хотѣлъ, но и противъ Ломоносова употреблялъ грубыя слова, и вдругъ, вмѣсто дружбы прежней, сталъ оказывать непріятельскіе поступки»—перессорился съ другими академиками и кончилъ тѣмъ, что, «вмѣсто прежняго прилежанія, отдался въ гуляніе» (Ламанскій, «Л—въ и Петерб. Академія», 84).

[49]) Къ такимъ русскимъ онъ относился съ такой же страстной враждой (Пекарскій, 550); особенно недолюбливалъ онъ тѣхъ русскихъ аристократовъ, которые равнодушны были къ благу Россіи и кичились своимъ происхожденіемъ. (Тамъ же, 339, 608).

Въ его произведеніяхъ нераз можно встрѣтить осужденіе сословныхъ предразсудковъ: «Кто породою, тотъ чужимъ хвастаетъ»—одно изъ изреченій Л—ва. Въ трагедіи: «Тамира и Селимъ» встрѣчаемъ мы развитіе этой мысли:

> «Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ,
> А вы, что хвалитесь заслугами отцовъ,
> Отнюдь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ?
> Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю...
> Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю;
> Но злости не страшусь, не требую добра,
> Не ради васъ пою,—для правды, для Петра!» (II, 193).

Въ одномъ письмѣ къ Шувалову (16 Авг. 1760 г.) Ломоносовъ пишетъ, что не любитъ общества аристократовъ: «только хочу искать способа и мѣста, гдѣ бы чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше видѣть было персонъ Высокородныхъ, которые мнѣ низкою моею породою предпрекаютъ, видя меня, какъ бѣльмо на глазу по даннымъ мнѣ отъ Бога талантамъ» (Ламанскій, Ломоносовъ «Петерб. Акад. Наукъ», 144).

[50]) Много эпизодовъ изъ этой борьбы разсказано у Куника, Пекарскаго, Билярскаго и Ламанскаго («Л—въ и Петерб. Акад. Наукъ»).

[51]) Въ одномъ письмѣ онъ такъ характеризуетъ свою борьбу: «что до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старости не покину» (Пассекъ, Очеркъ Россіи, кн. 2, 1840, 8).

[52]) Обращаясь къ одному живописцу, Ломоносовъ въ одномъ своемъ стихотвореніи восклицаетъ:

«Изобрази Россію мнѣ!
Изобрази ей возрастъ зрѣлой
И видъ въ довольствіи веселой
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу!» (II; 282).

«Изящно-величавый образъ русской земли, которая, съ вознесенною главою, дастъ законы міру—образъ, сдѣлавшійся художественнымъ идеаломъ Ломоносова, осуществится въ тѣ «благословенные дни», когда общечеловѣческое просвѣщеніе проникнетъ въ нѣдра русскаго народа» (Тихонравовъ, 7).

[53]) «Люблю правду всѣмъ сердцемъ, какъ всегда любилъ и любить буду до смерти!»—сказалъ онъ.

[54]) Это замѣчено было еще давно. Кн. Вяземскій въ своемъ сочиненіи: «Фонвизинъ» говоритъ слѣдующее: «Громы полтавской битвы превозгласили наше уже безспорное водвореніе въ семейство Европейское. Сіи громы, сіи торжественныя побѣдныя молебствія отозвались на поэзіи нашей и дали ей направленіе. Слѣдующія эпохи, болѣе или менѣе, ознаменованныя завоеваніями, войнами блестящими, питали въ ней сей духъ воинственный, сію торжественность, которая, можетъ быть, впослѣдствіи времени была ужъ больше привычка и подражаніе и потому неудовлетворительна, но на первую пору была она точно истинная, живая и выражала совершенно главный характеръ нашего политическаго быта» (Кн. Вяземскій, 4). Итакъ—«торжественныя оды, были плодомъ сего воинственнаго вдохновенія. Лира Ломоносова была отголоскомъ полтавскихъ пушекъ. Напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось послѣ него и, безъ сомнѣнія, отъ него общимъ характеромъ нашей поэзіи»—(тамъ же. 5).

[55]) Для него, какъ человѣка прямого и откровеннаго, порой, особенно въ первый періодъ, очень трудна была роль придворнаго поэта. Онъ самъ разсказывалъ, какъ досадовалъ на Тредіаковскаго, который однажды свое произведеніе выпустилъ подъ его именемъ: «Мнѣ и на мысль не приходили оды съ тѣхъ поръ, какъ Тредіаковскій изъ рабскаго подобострастія къ Бирону сперва ему прохрипѣлъ какую-то оду, а потомъ, по его же повелѣнію, накропалъ другую на восшествіе на престолъ малолѣтняго Іоанна и, чтобы этимъ рюмамъ дать ходъ, означалъ подъ ними мое имя. Эта нелѣпая клевета такъ меня поразила, что я отрекся навсегда отъ одъ» (Куникъ, XLVIII). Льстивость и низкопоклонство вообще были очень распространены въ это время. Кн. Юсуповъ Б. Т. такъ писалъ Бирону: «припадая къ Высочайшимъ стопамъ Вашей Высококняжеской Свѣтлости, рабственно ноги цѣ-

лую и прославлять Высочайшее имя Вашей Высококняжеской Свѣтлости за милость до смерти не престану»—(Ламанскій, 39).

Тредіаковскій, желая угодить сильнымъ міра сего, остановился на колѣни и въ такомъ положеніи пѣлъ какую-нибудь свою пѣсенку... Онъ самъ съ удовольствіемъ разсказывалъ, что за такую угодливость «однажды въ вознагражденіе, имѣлъ счастье получить отъ державной руки всемилостивѣйшую оплеушину» (Ламанскій, 98). Какъ выгодно среди людей своей эпохи отличается Ломоносовъ, который, въ отвѣтъ на одну шутку своего покровителя Шувалова, написалъ ему письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказалъ: «не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не желаю, но также у самаго Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отыметъ» (Русск. Бесѣда 1857, № 1, 24).

[56]) Ср. у Пушкина описаніе коня Петра В.

Дрожитъ... Глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

[57]) Ср. у Гоголя въ описаніи Днѣпра: «отъ ризы сыплются звѣзды»...

[58]) Ср. у Пушкина описаніе утра въ день именинъ Татьяны Лариной.

[59]) I, 188, II, 118. Ср. у Пушкина:

И передъ новою столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфироносная вдова!

У него же:

И всплылъ *Петрополь...*

[60]) II, 211. Ср. у Пушкина: описаніе Петра на Полтавскомъ полѣ.

[61]) Хотя самъ онъ считалъ свою несдержанность недостаткомъ, это видно изъ того, что самообладаніе онъ считалъ большимъ достоинствомъ:

«Великій Александръ тогда себя былъ болѣ,
Когда повелѣвалъ своей онъ сильной волѣ».

Чтó и себя онъ старался сдерживать и успѣвалъ въ этомъ, лучше всего видно изъ одной автобіографической замѣтки, гдѣ онъ сказалъ: «multa tacui, multa pertuli, multa concessi».

[62]) Ламанскій, 65.

[63]) И въ раннихъ одахъ Ломоносова довольно часто встрѣчаются намеки на различныя событія и эпизоды современной ему жизни (см. напр. соч. I, 27, Пекарскій).

[64]) Сб. ст. 2 отд. И. А. Н., т. 2.

[65]) В. Пассекъ, Очерки Россіи, т. 2, 1840. «Портфель служебной дѣятельности Ломоносова», 40.

[66]) Русск. Слово 1861, № 4 (изъ записокъ С. Н. Глинки), 3.

[67]) Ламанскій, «Ломоносовъ и Петерб. Академія Наукъ». Чт. въ М. О-вѣ Ист. и др. Росс. 1865 № 1, 109.

[68]) Москвит. 1852, т. V, отд. IV, 24.

ОДА,

Блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина 1739 года[1]).

1.

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

2.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ [2]) Музыку!

---

[1]) Написана Ломоносовымъ въ бытность его заграницей и послана имъ изъ Фрейберга въ Петербургъ. Долго считалась первымъ русскимъ произведеніемъ съ топическимъ стихосложеніемъ и первою, по времени, одою нашего поэта. Бѣлинскій объ этой одѣ говоритъ: «Наша литература началась съ 1739 г.—отъ появленія первой оды Ломоносова... Ломоносовъ, Петръ Великій русской литературы, прислалъ изъ нѣмецкой земли свою знаменитую «оду на взятіе Хотина», съ которой, по всей справедливости, должно считать начало литературы...»

[2]) Ломоносовъ подъ «чистыми сестрами» подразумѣваетъ музъ.

Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды,—
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастильской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

3.

Корабль какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Къ Россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ тьмы Татаръ;
Скрываетъ небо конскій паръ!
Чтожъ въ томъ? стремглавъ безъ душъ валятся!

4.

Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ Россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку,—
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что̀ кажутъ острыхъ ядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ!
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ, извившись, сильнымъ махомъ.

5.

Не мѣдь ли въ чревѣ Етны ржетъ,
И, съ сѣрою кипя, клокочетъ?

Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы [1]),
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ
Чрезъ быстрый токъ на огнь дерзаетъ.

. . . .

8.

Скрываетъ лучъ свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взятъ купно свѣтъ и духъ Татарамъ.
Изъ лывъ [2]) густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ Турецкій полкъ.
Иной въ послѣдни видя зорю:
«Закрой, кричитъ, багряный видъ,
И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ!
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ морю!»

9.

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладѣютъ жилы, сердце ноетъ!
Что бьетъ за странный шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился;
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
Умытымъ кровію мечомъ
Гоня враговъ, Герой открылся[3]).

---

[1]) Агари, рабы Авраама; отъ нея произошелъ народъ, въ Библіи называющійся, по ея имени, «агаряне»; такъ называли у насъ въ старину турокъ и татаръ.

[2]) Изъ болотистыхъ мѣстъ.

[3]) Петръ Великій.

10.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны? [1])
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны? [2])
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готскимъ приплывалъ брегамъ [3]),
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь Его скакалъ,
Когда Онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

11.

Кругомъ Его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И, чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ Смиритель странъ Казанскихъ? [4])
Каспійски воды, Сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ!

12.

Герою молвилъ тутъ Герой:
Нетщетно я съ тобой трудился,
Нетщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлый свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.

---

[1]) Стѣны Азова, который былъ взятъ въ Азовскій походъ.
[2]) Персидскій походъ Петра В.
[3]) Къ берегамъ Швеціи.
[4]) Іоаннъ Грозный.

На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, Герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ.

13.

Крутитъ рѣка Татарску кровь,
Что̀ протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечъ, и станъ, и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже, тряхнувшись, легкій листъ
Страшитъ его, какъ ярый свистъ
Быстро̀ сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

14.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушелъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лицо, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль Росская ужасна сила.

15.

Вливаясь въ Понтъ, Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ;
Ярясь волнами, Турка льетъ,
Что̀ стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ, какъ пронзенный звѣрь,
И чаетъ, что уже теперь

Въ послѣдній разъ заноситъ ногу.
И что земля его носить
Не хочетъ, что не могъ покрыть:
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

16.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?..
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотчасъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ [1]) твой свирѣпо злится,
Какъ Тигръ на Россій полкъ скакалъ.
Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

17.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечомъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозный взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ;
По страшной тучи возсіяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря.
Къ своимъ любовію горя,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

18.

Златой уже денницы перстъ
Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами;
Отъ встока скачетъ по сту верстъ,
Пуская искры конь ноздрями.

---

[1]) «Янычары»—турецкая гвардія.

Лицомъ сіяетъ Фебъ [1]) на томъ.
Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ;
Преславно дѣло зря, дивится:
«Я мало таковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блисталъ,
Коль долго кругъ вѣковъ катился!»

. . . .

24.

Витійство, Пиндаръ [2]), устъ твоихъ
Тяжчаебъ Ѳивы обвинили;
За тѣмъ, что о побѣдахъ сихъ
Онибъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аѳинъ:
Россія, какъ прекрасный кринъ,
Цвѣтетъ подъ Анниной державой.
Въ Китайскихъ чтутъ Ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой!

25.

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ Покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ!
Военныхъ не страшися бѣдъ:
Бѣжитъ оттуду бранный вредъ,
Народъ, гдѣ Анну прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярясь, грызетъ;
То наша радость презираетъ!

26.

Казацкихъ поль заднѣстрскій тать [3]),
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ, развѣянъ.

---

[1]) Фебъ—греческій богъ солнца.
[2]) Греческій поэтъ-лирикъ.
[3]) Татары, опустошавшіе казацкія поля за р. Днѣстромъ.

Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянъ,
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ плывя препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ:
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

27.

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ;
Пришедъ, овецъ пасетъ, гдѣ другъ
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Солдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И Ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

28.

Любовь Россіи, страхъ враговъ,
Страны полночной Героиня,
Седми пространныхъ морь бреговъ
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ!
Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучитъ, что крѣпость силъ Твоихъ,
Придать дерзнулъ не красный стихъ
Въ подданства знакъ Твоей державѣ!

ОДА

на день восшествія на всероссійскій престолъ Ея Величества, Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Ноября 25 дня 1747 года.

1.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина [1]),
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

2.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты,
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя!
Ты, кромѣ Той, всего превыше;
Но духъ Ея Зефира тише,
И зракъ пріятнѣе Рая.

3.

Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,

---

[1]) Ломоносовъ въ этихъ словахъ восхваляетъ миръ, заключенный Императрицей Елисаветой съ врагами при вступленіи на престолъ.

Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
«Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлы западъ и востокъ!»

4.

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда Ты Крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ Собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

5.

Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

6.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:

Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена!

7.

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони,
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни, —
Послалъ въ Россію Человѣка,
Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка [1]).
Сквозь всѣ препятства Онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

8.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная [2]) Нева рекла:
«Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

---

[1]) Петръ Великій.
[2]) Полная сомнѣній, недоумѣнія.

9.

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

10.

Но, ахъ! жестокая судьбина!
Безсмертія достойный Мужъ,
Блаженства нашего Причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!..
Внушивъ [1]) рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,
И Музы воплемъ провожали
Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

11.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь Ея продлилась,

---

[1]) Услышавъ.

Давнобъ Секвана [1]) постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой.

12.

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь [2]).
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ счастью отверзаетъ дверь.

13.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

14.

Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О, какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля Твои широки,

---

[1]) Латинское названіе р. Сены.
[2]) Императрица Елисавета Петровна.

Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

15.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату́ очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ!

16.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напаяетъ
И бреги, наконецъ, теряетъ,
Сравнившись морю широтой.

17.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны,
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей

Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.

18.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Чтò можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

19.

Се мрачной вѣчности запону [1])
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей;
Колумбъ Россійскій через воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости Твоей [2]).

20.

Тамъ тьмою островов посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;

---

[1]) Закрытіе, завѣсу.

[2]) «Россійскимъ Колумбомъ» Ломоносовъ называетъ русскаго мореплавателя Беринга, открывшаго между Азіей и Америкой проливъ.

Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны,
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

21.

И се Минерва [1]) ударяетъ
Въ верхи Рифейски [2]) копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ [3]) въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.

22.

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

---

[1]) Римская богиня мудрости; подъ ней поэтъ подразумѣваетъ Елисавету Петровну.

[2]) Рифейскія горы—древнее названіе Уральскихъ.

[3]) Богъ ада у римлянъ.

23.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,—
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

24.

Тебѣ, о милости Источникъ,
О, Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ Тебя возстать войною;
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

ОДА

На день восшествія на престолъ Ея Величества, Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года.

1.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало

Тебѣ, Богиня, возсіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да счастіемъ Твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

2.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ Тебѣ послушныхъ берегахъ!
Вражда и злость да истребится,
И огнь, и мечъ да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

3.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей
Покрытаго судами моря,
Пловущими къ земли Твоей.
Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ!

4.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи,
И время Твоея державы
Да ублажатъ рабы Твои.
Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,

За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повседневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

5.

Годину ту [1]) воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ.

6.

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
Когда́ въ Отеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ тронѣ
Яснѣе дня Елисаветъ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась
И тьма произвела намъ свѣтъ.

7.

Въ луга, усыпанны цвѣтами,
Царица трудолюбныхъ пчелъ,
Блестящими шумя крылами
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается, оставивъ розы

---

[1]) Время царствованія Анны Іоанновны.

И сотомъ напоённы лозы,
Со тщаніемъ отвсюду рой,
Свою Царицу окружаетъ
И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
Усердіемъ вперенный строй.

8.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ,
И, радостію восхищенный,
Тѣснясь, взиралъ на Твой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Спѣшили слѣдомъ за Тобою.
Тогда великій градъ Петровъ
Въ едину стогну умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился
И плескъ взносилъ до облаковъ.

9.

Тогда во всѣ предѣлы Свѣта,
Какъ молнія, достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ Себѣ имѣя духъ.
Тогда нестройные сосѣды [1])
Отчаялись своей побѣды,
И въ мысли отступили вспять.
Монархиня, кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ Тебѣ внимаетъ,
Помыслитъ ли противу стать?

10.

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей простерти къ намъ,
Твои онъ силы почитаетъ
И власть, подобну небесамъ.

---

[1]) Шведы.

Левъ нынѣ токмо зритъ ограду,
Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
Но море нашей тишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны страны.

11.

Европа утомлена въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ Тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечъ Твой, лаврами обвитый,
Необнаженъ войну пресѣкъ [1]).

12.

Европа и весь міръ — свидѣтель,
Народовъ разныхъ милліонъ,
Колика нынѣ Добродѣтель
Россійскій украшаетъ тронъ!
О, какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ,
Монархиня, Твои дѣла!
Народовъ разныхъ милліонъ,
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

13.

Единымъ гласомъ всѣ взываемъ,
Что Ты — Защитница и Мать,

---

[1]) Ломоносовъ намекаетъ на Ахенскій миръ, который былъ заключенъ благодаря вмѣшательству Россіи.

Твои доброты исчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описать.
Когда щедроты пѣть стремимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣды-ль славить мысль течетъ,
Какъ пали Готѳы [1]) предъ Тобою?
Но больше мирной Ты рукою
Пространный удивила свѣтъ.

14.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ незрѣлъ.
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною,
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.

15.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты,
Что̀ въ многихъ, раздѣлясь, блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь Ты.
Мы видимъ, что въ Тебѣ единой
Великій Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ
Похвалъ пучина отворилась,
Смущенна мысль остановилась,
И словъ къ тому достатка нѣтъ.

16.

Однако духъ еще стремится,
Еще кипитъ сердечный жаръ,

---

[1]) Шведы.

И ревность умолчать стыдится:
О, Муза, усугубь твой даръ,
Гласи со мной въ концы земные,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она, коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы,
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди луговъ.

17.

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями,
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хиновъ [1]) отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.

18.

«Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
Се — знойные Иркански бреги [2]),
Гдѣ, варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ».

19.

«Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,

---

[1]) Китайцевъ.
[2]) Берега Каспійскаго моря.

Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя.
Смѣются лютости Борея.
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ
Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морскаго ледъ»

20.

«Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Левъ гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ.
И двигалъ въ мысляхъ вознесенныхъ
Одной вселенную рукой.
Но палъ и токмо звукъ достигнулъ
Ѳракійскихъ горъ и ихъ подвигнулъ,
Дунай, съ твоею быстриной».

21.

«Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ,
Полна веселья, тамъ Нева,
Златой порфирою блистаетъ,
Покрыта лаврами глава.
Тамъ равнымъ жаромъ воспаленны
Сердца, какъ храмы освященны
Въ исполненной утѣхъ ночи.
О, сладкій вѣкъ! о, жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны облисталъ лучи».

22.

Сіе Россія восхищенна,
Въ веселіи своемъ, гласитъ;
Москва едина на колѣна

Упавъ передъ Тобой, стоитъ,
Власы сѣдыя простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ Тебѣ единой вопія:
Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты Твоея.

23.

Гряди, Краснѣйшая Денницы,
Гряди, — и свѣтлостью лица,
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсутствуя, ты будешь съ нами.
Покрытымъ Орлими крылами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

24.

Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея — помощникъ Богъ!
Онъ верхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ Твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предидетъ ужасъ предъ Тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Преложеніе псалма I.

1750.

1.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать.

2.

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И точно оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

3.

Какъ древо, онъ распространится,
Что̀ близъ текущихъ водъ растетъ, —
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

4.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

5.

И такъ злодѣи не возстанутъ
Предъ Вышняго Творца на судъ;
И праведны не воспомянутъ
Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдь.

6.

Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранитъ;

От҄ грѣшных҄ взор҄ свой отвращает҄
И злобный путь их҄ погубит҄.

Преложеніе псалма 103 [1]).

1749.

1.

Да хвалит҄ Дух҄ мой и язык҄
Всесильнаго Творца Державу,
Великолѣпіе и славу!
О, Боже мой, коль Ты велик҄!

2.

Одѣян҄ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта.
Ты звѣзды распростер҄ безсчета,
Шатру подобно пред҄ Тобой.

3.

Покрыв҄ водами высоты,
На легких҄ облаках҄ восходишь,
Крылами вѣтров҄ шум҄ наводишь,
Когда на них҄ летаешь Ты.

4.

И воли Твоея послы,
Как҄ устремленія воздушны,
Всесильным҄ маніям҄ послушны,
Текут҄, горят҄, не зная мглы.

5.

Ты землю твердо основал҄
И для надежныя окрѣпы

---

[1]) Псалом҄ 103, «Благослови душе моя Господа», приводил҄ в҄ восторг҄, между прочим҄, и Гумбольдта, который считал҄ его одним҄ из҄ величайших҄ поэтических҄ произведеній.

Недвижны положилъ заклепы
И вѣчну непреклонность далъ.

6.

Ты бездною ее облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ.

7.

Ихъ воля — Твой единый взглядъ,
Отъ запрещенія мутятся,
И, въ тучи устрашась, тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ Твой, — внизъ шумятъ.

8.

Восходятъ горы въ высоту;
Крутыя ставишь ты стремнины
И стелешь злачныя долины,
Угрюмствомъ множа красоту.

9.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ,
Чтобъ землю скрыть не обратились,
Ничѣмъ бы внизъ не преклонились,
Кромѣ Твоихъ безмѣрныхъ силъ.

10.

Изъ горъ въ долины льешь ключи
И прохлаждаешь тѣмъ отъ зноя:
Журчатъ для сладкаго покоя,
Между горами текучи.

11.

И напояютъ всѣхъ звѣрей,
Что̀ окрестъ селъ себя питаютъ;

И ждутъ ослы, какъ въ жаждѣ таютъ,
Отрады отъ руки Твоей.

12.

Слетаясь тамо птицы въ тѣнь
Возносятъ пѣніе и свисты,
Живятъ вертепы каменисты,
И тамъ проводятъ жаркій день.

13.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю насаждаешь,
И всѣ народы насыщаешь, —
Свидѣтелей Твоимъ дѣламъ.

14.

Растишь въ поляхъ траву для стадъ
Намъ разны зелія въ потребу,
Обильно прилагаешь къ хлѣбу,
Щедротою ко всѣмъ богатъ.

15.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ;
Вино въ печали утѣшаетъ
И сердце радостью живитъ.

16.

Древамъ даешь обильный тукъ;
Поля вѣнчаешь ими, Щедрый.
Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія [1]).

1743.

1.

Лицо свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна, —
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна!

2.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Какъ перстъ между высокихъ горъ, —
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ!

3.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ та же сила естества.

4.

Но гдѣ-жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!

---

[1]) По замѣчанію акад. Пекарскаго, ода эта (и слѣдующая)—одно изъ немногихъ вполнѣ самобытныхъ стихотвореній Ломоносова и справедливо считается однимъ изъ лучшихъ, въ этомъ родѣ, произведеній нашего писателя.

Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

5.

О, вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ, —
Вы знаете пути планетъ,
Скажите, что̀ нашъ умъ мятетъ?

6.

Что̀ зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что̀ тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ Зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

7.

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой?
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ?
Иль въ морѣ дуть престалъ Зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ Еѳиръ?

8.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ,
О томъ, что̀ окрестъ ближнихъ мѣстъ!
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ?
Кто-жъ знаетъ, коль великъ Творецъ!

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

1743.

1.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по землѣ,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

2.

Когда-бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть;
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.

3.

Тамъ огненны валы стремятся —
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

4.

Сія ужасная громада,
Какъ искра, предъ Тобой одна!
О, коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что̀ Ты творить намъ повелѣлъ!

5.

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
«Великъ Зиждитель нашъ Господь!»

6.

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.

7.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою,
Простри премудрости лучи,
И, что̀ угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи
И на Твою взирая тварь
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Ода, выбранная изъ Іова [1]).

(Главы 38, 39, 40 и 41).

1.

О, ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ,
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!

---

[1]) Извѣстный натуралистъ А. Гумбольдтъ считаетъ книгу Іова однимъ изъ величайшихъ поэтическихъ произведеній. Любопытно, что за много лѣтъ до Гумбольдта выборъ Ломоносова остановился именно на этомъ произведеніи.

Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

2.

«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ?
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!»

3.

«Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое Величество вѣщали?
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?»

4.

«Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ
И съ суши сдвинулъ Океанъ?»

5.

«Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,

И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить?
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить?
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?»

6.

«Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину?
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперъ ли адовы уста?

7.

«Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть?
И воздухъ огустить прозрачный?
И молнію въ дождѣ родить?
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И, горъ сердца трясущимъ, трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?»

8.

«Твоею ли хитростью [1]) взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крыла простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ
Чтò я ему на пищу далъ.
Толь быстро око ты ль создалъ?»

---

[1]) Мудростью.

9.

«Воззри въ лѣса на бегемота,
Что̀ мною сотворенъ съ тобою;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верви сплетены въ немъ жилы!
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра, какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?»

10.

«Ты можешь ли Левіаѳана [1])
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ, какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой».

11.

«Какъ жерновъ, сердце онъ имѣетъ,
И зубы — страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженю онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ.
Для крѣпости великихъ силъ,
Считаетъ ихъ за мягкій илъ».

12.

«Когда ко брани устремится,
То море, какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь, гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;

---

[1]) Морское чудовище, о которомъ упоминается въ книгѣ Іова.

Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль въ горнилѣ раскаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?»

13.

«Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ перстъ я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка;
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?»

14.

Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть!
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу носи,
И безъ роптанія проси.

Къ Музѣ.

(Изъ Горація).

Я знакъ безсмертія себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ!
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великій Римъ владѣетъ свѣтомъ,
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ,

Гдѣ Давлусъ царствовалъ въ простомъ народѣ!
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззнатный родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внесть въ Италію стихи Еольски,
И первому звенѣть Алцейской Лирой.
Взгордися праведной заслугой, Муза,
И увѣнчай главу Дельфійскимъ лавромъ.

* * *

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, брега и понтъ;
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,
Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ.
Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ,
Открывшись въ теплотѣ, сіяетъ каждый цвѣтъ,
Богатства красоты предъ онымъ отверзаетъ
И свой пріятный духъ, какъ жертву, изливаетъ...
Подобенъ солнцу Твой, Монархиня, восходъ,
Который освѣтилъ во тьмѣ россійскій родъ;
Усердны предъ Тобой сердца мы отверзаемъ,
И жертву вѣрности нелестной изливаемъ.

* * *

Побѣдѣ слѣдуетъ пресвѣтло торжество.
Герой пріемлетъ честь, и жертву — божество,
Звучатъ въ полкахъ трубы, на плѣнникахъ — оковы,
Въ противничей крови несутъ щиты бойцовъ.
Побѣда Твой восходъ, тріумфъ Твой праздникъ сей!
Монархиня, мы что̀ явимъ къ хвалѣ Твоей?
Не городъ Ты одинъ, ниже́ едино войско
Въ свою пріяла власть чрезъ мужество геройско;
Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ,
И многи тьмы къ Тебѣ пылающихъ сердецъ!
Не кровію земля кипящей обагрилась,
Но въ радости струяхъ Россія насладилась;
Не ярый насъ страшилъ пожаръ горящихъ стѣнъ.

Но ревностью пылалъ народъ къ Тебѣ возженъ;
Не тяжкія на насъ въ плѣну звучали узы,
Но съ плескомъ ставили мы вѣрности союзы;
Когда толь радостно Тобой плѣненнымъ быть,
Коль громка похвала побѣду получить!
Богиня! торжествуй тѣмъ долѣе надъ нами,
Чѣмъ выше смертныхъ Ты безсмертными дѣлами!
Торжественны врата, трофеи, колесница,
Въ насъ вѣрныя сердца и радостныя лица!

* * *

Кузнечикъ дорогой, сколь много ты блаженъ,
Сколь больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
Но въ самой истинѣ ты передъ нами — царь;
Ты — Ангелъ во плоти, иль лучше — ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ;
Что̀ видишь — все твое; вездѣ — въ своемъ дому;
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому!

О движеніи земли.

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: «земля, вертясь вокругъ солнца, ходитъ!»
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ, другой былъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: «ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньи разсуждаешь?»
Онъ далъ такой отвѣтъ: «Что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ:
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такого,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркого?»

Изъ Анакреона.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
«Кто такъ стучится смѣло?»
Со гнѣвомъ я вскричалъ.
«Согрѣй обмерзло тѣло»,
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
«Чего ты устрашился?
Я — мальчикъ, чуть дышу...
Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу».
Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ,
Не медливши нимало,
Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной,
Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой.
Жалѣя о несчастьѣ,
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьѣ
Къ камину посадилъ.
Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
Я крылья и съ кудрями
До-суха выжималъ.
Онъ чуть лишь ободрился.
«Каковъ-то, молвилъ, лукъ?

Въ дождѣ, чать, повредился»;
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.
Онъ громко разсмѣялся
И тотчасъ заплясалъ:
«Чего ты испугался?»
Съ насмѣшкою сказалъ:
«Мой лукъ еще годится,
Онъ цѣлъ и съ тетивой;
Ты жъ будешь вѣкъ крушиться
Отнынѣ, хозяинъ мой».

Отрывки изъ письма о пользѣ стекла.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые Стекло чтутъ ниже Минераловъ,
Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса!
Нерѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ Тобой въ восторгѣ похвалу,
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но Стеклу!
И какъ я оное, хваля, воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ того быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель:
Стекло имъ рождено; огонь — его родитель!
. . . .
Взирая въ древности народы изумленны,
Что грѣетъ, топитъ, льетъ и свѣтитъ огнь возженный,
Иные божеску ему давали честь;
Иные знать хотя, кто съ неба могъ принесть,
Представили въ своемъ мечтаньѣ Прометея.

Что многи на земли художества умѣя,
Различныя казалъ искусствомъ чудеса:
За то Минервою былъ взятъ на небеса;
Похитилъ съ солнца огнь и смертнымъ отдалъ въ руки.
Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны звуки
Продерзкаго къ горѣ великой приковалъ,
И сильному орлу на растерзанье далъ.
Онъ сердце завсегда коварное терзаетъ,
На коемъ снова плоть на муку вырастаетъ.
Тамъ слышенъ страшный стонъ, тамъ тяжка цѣпь звучитъ;
И кровь чрезъ камни внизъ текущая шумитъ.
О, коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но въ просвѣщенны дни сей вымыслъ видимъ ясно.
Піиты, украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грѣхи.
Мы пламень солнечный Стекломъ здѣсь получаемъ,
И Прометея тѣмъ безбѣдно подражаемъ.
Ругаясь подлости нескладныхъ оныхъ вракъ,
Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ табакъ;
И только лишь о томъ мы думаемъ, жалѣя,
Не свергла-ль въ пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него невѣждъ свирѣпыхъ полкъ,
На знатны вымыслы сложилъ неправый толкъ?
Не наблюдалъ ли звѣздъ тогда сквозь Телескопы,
Что нынѣ воскресилъ трудъ счастливой Европы?
Не огнь ли онъ Стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
И пагубу себѣ отъ Варваровъ нанесъ,
Что предали на казнь, обнесши чародѣемъ?
Коль много таковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
Что зависть, скрывъ себя подъ святости покровъ,
И груба ревность съ ней, на правду строя ковъ,
Отъ самой древности воюютъ многократно,
Чѣмъ много знанія погибло невозвратно!
Коль точно зналибъ мы небесныя страны,
Движеніе планетъ, теченіе луны,
Когда бы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ
Не названъ былъ въ судѣ неистовымъ Гигантомъ,

Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
Кругъ центра своего, кругъ солнца обнести;
Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашни боги
Терпятъ великій трудъ всегдашнія дороги;
Вертится въ кругъ Нептунъ, Діана и Плутонъ:
И страждутъ ту же казнь, какъ дерзкій Иксіонъ;
И неподвижная земли Богиня Веста
Къ упокоенію сыскать не можетъ мѣста.
Подъ видомъ ложныхъ сихъ почтенія боговъ
Закрытъ былъ звѣздный міръ чрезъ множество вѣковъ.
Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры:
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непостижна сила
Единаго Творца весь міръ сей сотворила.
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, — все сонмище боговъ
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже подъ жертву дровъ;
Что агнцовъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно;
Сіе одно, сіе казалось быть опасно.
Оттолѣ землю всѣ считали посредѣ.
Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ трудѣ,
Запутанъ циклами; пока возсталъ Коперникъ,
Презритель зависти и варварству соперникъ.
Въ срединѣ всѣхъ Планетъ онъ солнце положилъ,
Сугубое земли движеніе открылъ.
Однимъ кругъ центра путь вседневный совершаетъ,
Другимъ кругъ солнца годъ теченьемъ составляетъ,
Онъ циклы истинной Системой растерзалъ,
И правду точностью явленій доказалъ,
Потомъ Гугеніи, Кеплеры и Невтоны
Преломленныхъ лучей въ Стеклѣ познавъ законы,
Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ!
Коперникъ что̀ училъ, сомнѣнія въ томъ нѣтъ.
Клеантовъ не боясь, мы пишемъ всѣ согласно,
Что истинѣ они противятся напрасно.
Въ безмѣрномъ углубя пространствѣ разумъ свой,

Изъ мысли ходимъ въ мысль, изъ свѣта въ свѣтъ иной.
Вездѣ Божественну премудрость почитаемъ,
Въ благоговѣніи весь духъ свой погружаемъ.
Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ
Въ ужасной скорости и купно быть въ покоѣ,
Кто чудо сотворитъ кромѣ Его такое?
Насъ бо́льше таковы идеи веселятъ;
Какъ, Божій нѣкогда описывая градъ,
Вечерній Августинъ [1]) душою веселился.
О коль великимъ онъ восторгомъ бы плѣнился,
Когда-бъ разумну тварь толь тѣсно не включалъ,
Подъ нами-бъ жителей какъ здѣсь не отрицалъ,
Безъ Математики вселенной бы не мѣрилъ!
Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:
Доказываетъ то подземный Католикъ,
Кадя златой его въ костелахъ новыхъ ликъ.
Уже Колумбу въ слѣдъ, уже за Магелланомъ
Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ;
И видимъ множество Божественныхъ тамъ дѣлъ,
Земель и островóвъ, людей, градовъ и селъ,
Незнаемыхъ предъ тѣмъ и странныхъ намъ животныхъ,
Звѣрей и птицъ и рыбъ, плодовъ и травъ несчетныхъ.
Возьмите сей примѣръ, Клеанты, ясно внявъ,
Коль много Августинъ въ семъ мнѣніи неправъ;
Онъ слово Божіе употреблялъ [2]) напрасно.
Въ Системѣ свѣта вы тожъ дѣлаете властно.
Во зрительныхъ трубахъ Стекло являетъ намъ,
Колико далъ Творецъ пространство небесамъ.
Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяетъ.
Недвижныхъ сколько звѣздъ, намъ ясна ночь являетъ.
Кругъ солнца нашего, среди другихъ планетъ,
Земля съ ходящею кругъ ней луной течетъ,
Которую хотя весьма пространну знаемъ,

---

[1]) О градѣ Божіи, кн. 16, гл. 9.

[2]) Тамъ же.

Но къ свѣту примѣнивъ, какъ точку представляемъ.
Коль созданныхъ вещей пространно естество!
О, коль велико ихъ создавше Божество!
О, коль велика къ намъ щедротъ его пучина,
Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына!
Не погнушался Онъ на малый шаръ сойти,
Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.
Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся,
Тѣмъ больше благости и милости чудимся?
Стекло приводитъ насъ чрезъ Оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣдѣнія тьму!
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ неложны,
Поставлены Творцомъ; другіе невозможны.
Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ человѣкъ?
Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила;
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы;
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій Китъ
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ, и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ, и знаніе врачебно.
Коль много Микроскопъ намъ тайностей открылъ
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что еще? уже въ Стеклѣ намъ Барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,

Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ;
Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ!
Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной ни дождь опасенъ въ полѣ?
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть, или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно!
Далече до конца Стеклу достойныхъ хвалъ,
На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ уже слова похвальны оставляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю.
Однако при концѣ не можно преминуть,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянуть.
Что̀ можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?
Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ,
И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ;
Отъ часа гнѣвнаго желаетъ гдѣ-бъ укрыться;
Причины онаго изслѣдовать страшится.
Дабы истолковать, что̀ молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
«На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею!»
Но какъ Онъ насъ казнитъ, подвявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не розлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.
Но блескъ и звукъ его, не давъ главы поднять,
Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи толикомъ,
Что въ заблужденіи теряли путь великомъ,
И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,

Поколѣ дѣйствъ въ Стеклѣ подобныхъ не нашли.
Вертясь Стеклянный шаръ даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственны сверканіемъ и трескомъ.
Дивился сходству умъ; но, видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ;
Довольствуя однѣ чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и ночи;
И больше въ томъ одномъ раченія имѣлъ
Чтобъ силою Стекла болѣзни одолѣлъ;
И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вожделѣнны.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ!
Что та же сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ Стекла движеніемъ исходитъ,
Что, зная правила изысканны Стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ!
Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
Тогда о истинѣ Стекло увѣритъ насъ,
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?
Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила,
И махины уже пристойны учредила.
Я слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу,
На время ко Стеклу весь трудъ свой приложу.
Ходя за тайнами въ искусствѣ и природѣ,
Я слышу восхищенъ веселый гласъ въ народѣ.
Елисаветина повсюду похвала
Гласитъ премудрости и щедрости дѣла.
Златыя времена! о, кроткіе законы!
Народу Своему прощаетъ милліоны;
И, пользу общую отечества прозря,
Ученію велитъ расшириться въ моря,
Умноживъ бодрость въ немъ щедротою Своею!
А Ты, мой Меценатъ, присутствуя предъ Нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.

Тебѣ похвальны всѣ пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды,
Коль часто передъ Ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть Ея кротчайшимъ слухомъ,
Есть новымъ бытія животвориться духомъ!
Кто кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ еще младыхъ,
Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.
Кто склонность въ счастіи и доброту являетъ,
Тотъ счастіе себѣ недвижно утверждаетъ.
Всякъ чувствуетъ въ Тебѣ и хвалитъ обое,
И небо чаемыхъ покажетъ сбытіе!

Посвященіе И. И. Шувалову.

(Изъ поэмы: „Петръ Великій").

Начало моего великаго труда
Прими, Предстатель Музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои, любя Россійское слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново!
Тобою поощренъ, въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи и сія дана Тебѣ доброта,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Природный видитъ Твой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ твоего разсудокъ тонкій слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ поникну утомленъ,
Вниманіемъ Твоимъ возстану ободренъ.
Хотя во слѣдъ иду Виргилію, Гомеру;
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
Не вымышленныхъ пѣть намѣренъ я боговъ,
Но истинны дѣла, великій трудъ Петровъ!
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднѣе нежели, какъ въ десять лѣтъ взять Трою!

О еслибъ было то въ возможности моей;
Бѣглецъ Виргиліевъ изъ отечества Еней
Едвабъ съ Мазепою въ стихахъ моихъ сравнился,
И басней бы своихъ Виргилій устыдился.
Уликсовыхъ Сиренъ и Ахиллесовъ гнѣвъ
Во вѣкъ бы заглушилъ попранный ревомъ Левъ.
За кѣмъ же я пойду въ слѣдъ подвигамъ Петровымъ,
И возвышеніемъ стиховъ Геройскихъ новымъ
Увѣрю цѣлые вселенные концы:
Что тѣмъ я заслужу Парнасскіе вѣнцы:
Что первый пѣлъ дѣлà такого Человѣка,
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Хотя за знаніе служилъ мнѣ въ томъ талантъ;
Однако скажутъ всѣ — я былъ судьбой избранъ.
Желая въ умъ вперить дѣлà Петровы громки
Описаны въ моихъ стихахъ прочтутъ потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рѣкъ,
И только гдѣ живетъ Россійскій человѣкъ,
И почитающи Россію всѣ языки,
У коихъ по трудамъ прославлѐнъ Петръ Великій,
Достойну для него дадутъ симъ честь стихамъ,
И станутъ ихъ гласить по рощамъ и лѣсамъ.
О, какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ,
Трудомъ желаемымъ, но непреодолимымъ.
Однакожъ я отнюдь надежды не лишенъ:
Начатый будетъ трудъ прилежно совершенъ.
Твоими, Меценатъ, бодрясь въ трудѣ словами
Стремлюся на Парнасъ какъ легкими крылами.
Въ разборѣ убѣжденъ о правотѣ Твоей
Пренебрегаю злыхъ роптаніе людей.
И если въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь былибъ завсегда защитники такіе,
Каковъ Ты промысломъ въ сей день произведенъ,

Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ.
Благополучная сіяла къ нимъ планета,
Предвозвѣщая плодъ въ Твои прекрасны лѣта.
Въ благодѣяніяхъ Твои проходятъ дни,
О, коль красно цвѣтетъ Парнасъ въ Твоей тѣни!
Для Музы моей Твой вѣкъ всего дороже:
Для многихъ счастія продли, продли, о Боже!

Надпись на спускъ корабля, именуемаго Святаго Александра Невскаго 1749 года.

Гора, что Горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на быстрину сбѣжала [1]),
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
Когдабъ Великаго Петра мы не имѣли.

Къ статуѣ Петра Великаго.

Се образъ изваянъ премудраго Героя,
Что̀ ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда Онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ сопостатовъ, —
И словомъ се есть Петръ отечества Отецъ;
Земное божество Россія почитаетъ,
И столько алтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Коль много есть ему обязанныхъ сердецъ.

---

[1]) Подъ «горою» Ломоносовъ подразумѣваетъ строющійся корабль, который съ высокихъ подмостокъ его спускаютъ въ воду.

ПРИТЧА.

Свинья въ лисьей кожѣ.

Надѣла на себя
Свинья
Лисицы кожу,
Кривляла рожу,
Моргала,
Тащила длинный хвостъ, и какъ лиса ступала;
И такъ во всемъ она съ лисицей сходна стала.
Догадки лишь одной свиньѣ недостаетъ:
Натура смысла всѣмъ свиньямъ не подаетъ.
Но гдѣ могла свинья лисицы кожу взять,
Не трудно то сказать.
Лисица всѣмъ звѣрямъ подобно умираетъ,
Когда она себѣ найтить, гдѣ ѣсть, не знаетъ.
Отъ глада и людей на свѣтѣ много мрутъ,
А паче тѣ, кто врутъ.
Такимъ отъ рока судъ бываетъ:
Онъ хлѣбъ ихъ отъимаетъ,
И путь ихъ ко вранью тѣмъ вѣчно пресѣкаетъ.
Въ нарядѣ семъ вездѣ пошла свинья бродить,
И стала всѣхъ бранить.
Лисицамъ всѣмъ прямымъ ругаясь говорила:
Натура де меня одну лисой родила,
А вы де всѣ ноги не стоите моей,
Затѣмъ, что родились отъ подлыхъ вы свиней.
Теперя въ гости я сидѣть ко льву сбираюсь,
Лишь съ нимъ я повидаюсь,
Ему я буду другъ,
Не дѣлая услугъ.
Онъ будетъ самъ стоять, а я у него лягу.
Неужто онъ меня такъ приметъ какъ бродягу?
Дорогою свинья вела съ собою рѣчь:
«Не думаю, чтобъ левъ позволилъ мнѣ тамъ лечь,

Гдѣ всѣ предъ нимъ стоятъ знатнѣйши свѣта звѣри;
Однако въ тѣ же двери
И я къ нему войду.
Я стану передъ нимъ, какъ знатный звѣрь, въ виду».
Пришла предъ льва свинья, и милости просила,
Хоть тварь была подла, но много говорила,
Однако все врала,
И съ глупости она осломъ льва назвала.
Не вошелъ тѣмъ левъ
Во гнѣвъ.
Съ презрѣньемъ на нее онъ глядя, разсмѣялся,
И такъ ей говорилъ:
«Я мало бы тужилъ,
Когда бъ съ тобой, свинья, вовѣкъ я не видался;
Тотчасъ узналъ то я,
Что ты — свинья,
Такъ тщетно тщилась ты лисою подбѣгать,
Чтобъ врать.
Родился я во свѣтъ не для свиныхъ поклоновъ;
Я не страшуся громовъ,
Нѣтъ въ свѣтѣ семъ того, чтобъ мой смутило духъ.
Была бъ ты не свинья,
Такъ знала бы, кто я,
И знала бъ, обо мнѣ какой свѣтъ носитъ слухъ».
Свиньѣ не удалось: предъ львомъ не полежала,
Пошла домой со стыдомъ, но идучи роптала,
Ворчала,
Мычала,
Кричала,
Визжала,
И въ ярости себя стократно проклинала;
Потомъ сказала:
«Зачѣмъ меня несло со львами спознаваться,
Когда мнѣ рокъ велѣлъ въ грязи всегда валяться».

Эпиграммы на Тредіаковскаго.

Отмщать завистнику меня вооружают,
Хотя мнѣ отъ него вреда отнюдь не чают.
Когда Зоилова хула мнѣ не вредитъ;
Могу ли на него за то я быть сердитъ?
Однакожъ осержусь! я всталъ, ищу обуха;
Ужъ поднялъ, я махну! а кто сидитъ тутъ? муха!
Коль жаль мнѣ для нея напраснаго труда.
Бѣдняжка, ты летай, ты пой: мнѣ нѣтъ вреда.

Отрывокъ изъ слова похвальнаго Петру Великому.

...Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели. Посмотримъ тамъ дѣла Господни, и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя, и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отовсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнодышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ достигнувъ спокойнаго пристанища плаватель, удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ; со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуда толикая слава и сила Россійскихъ флотовъ, по толь многимъ морямъ, въ краткое время распространилась? откуда матеріи? откуда искусство? откуда махины и орудія нужныя

въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по брегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвергнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бы такое невѣроятное, и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло, въ отдаленной древности приключилось, и не было бъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ: дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности, и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать. Подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только Его проницательныя мысли, или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ, и на морской глубинѣ показать Россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума Своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части, которыя разсматривая увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть невозможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего Царскаго дома, при знатныхъ чинахъ Россійскаго государства, и при знатномъ со-

бранiи дворянства, то радующихся, то поврежденiя здравiю Его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы, и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый Учитель и Просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленiе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда съ начала на малыхъ водахъ Московскихъ, потомъ на большей ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ, въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванiя, отлучился на время изъ своего государства, и сокрывъ Величество Своея Особы между простыми работниками въ чужой землѣ корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудомъ дѣлу, приключившееся съ нимъ купно въ обученiи, какъ Россiянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенiю и сооруженiю кораблей нужной не оставилъ, которой бы Своими руками не умѣлъ сдѣлать, но и въ морской архитектурѣ толикое прiобрѣлъ искусство, что Голландiя не могла уже удовольствовать Его глубокаго понятiя. Потомъ коль великое удивленiе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ Россiянинъ, но самъ толь великаго государства Обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенiя скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанiя и повелительства въ Голландiи и въ Британiи достигъ совершенной теорiи и практики къ сооруженiю флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ великiй Государь не токмо повелѣнiемъ и награжденiемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великiя Россiйскiя рѣки; я къ вамъ обращаюсь счастливые берега, посвященные Петровыми стопами и пòтомъ Его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкiе къ составленiю корабля прiуготованные члены нерѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложенiемъ руки Его къ скорому теченiю устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностiю совершали великiя громады. Коль

чуднымъ, и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ, наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались? Когда неусыпный ихъ Основатель и Строитель многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотрѣнные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ Своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою, во дни Петровы показалась!

Коль радостны были великому Государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ Собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ берега великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышущихъ махинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику! но въ новомъ и сильномъ первенствующемъ Флотѣ. Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи, и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

...Чтожъ уже-ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О, коль много еще размышленію, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода, государственныхъ коллегій, канцелярій и другихъ мѣстъ присутственныхъ съ узаконеніями, регламентами, уставами; расположеніе чиновъ,

заведеніе внѣшнихъ признаковъ, для оказанія заслугъ и милости; наконецъ, политика, посольства и союзы съ чужими державами. Вы все сіе сами въ просвѣщенныхъ Петромъ умахъ вашихъ представьте. Мнѣ только остается предложить едино краткое всего изображеніе. Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось кому отлучиться изъ Россійскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ. Потомъ бы возвратясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новый флотъ и войско; всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну; чтобъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣка; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или, наконецъ, все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова, видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ, бывшихъ на пути исполинскаго Его теченія? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковымъ перемѣнамъ состояніе человѣческое. что изъ благополучныхъ противныя, изъ противныхъ благополучныя слѣдствія рождаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть сего противнѣе, когда Россію обновляющему Петру и купно отечеству извнѣ нападенія, извнутрь огорченія, отовсюду опасности грозили, и пагубныя слѣдства пріуготовлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала быть вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣть Европейскія государства, познать ихъ преимущества, дабы возвратясь, употребить ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Лишь только прешелъ владѣнія Своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя

вещи чувствовали опасность приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали струи Двинскія, и будущему своему Повелителю, между густымъ льдомъ, къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ, стезю открыли, и преодолѣнныя имъ опасности Балтійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣстили. Избывъ отъ опасности, поспѣшалъ въ радостномъ пути Своемъ, довольствуя очи и сердце и обогащая разумъ. Но ахъ! Неволею пресѣкаетъ свое преславное теченіе. Какую имѣлъ самъ съ Собою распрю! Съ одной стороны влечетъ любопытство и знаніе, отечеству нужное; съ другой стороны само бѣдствующее отечество, которое къ Нему, къ единому своему упованію, простерши руки восклицало: Возвратися, поспѣшно возвратися, меня терзаютъ внутрь измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: Со благодареніемъ признаваю; но прежде укроти свирѣпыхъ. Ты разстался со Своимъ домомъ, со Своими кровными, для приращенія моей славы: Съ усердіемъ почитаю; но успокой опасное нестроеніе. Оставилъ данный Тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ и простымъ видомъ скрываешь лучи своего Величества для моего просвѣщенія: Съ радостною надеждою того желаю; но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта. Такими движеніями сердца проницаясь, возвратился для утоленія страшныя бури! Таковыя противности воспящали Герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отвсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрѣльцы, раскольники, казаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его пріуготовлялись. Что все подобно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній Петру преодолѣть всѣ тяжкія препятствія, и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ Его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ Его предпріятіяхъ извѣстна; первое Его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножалъ вниманіе и благоговѣніе

предстоящихъ Своимъ Монаршескимъ гласомъ; и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочестія, но одинъ нынѣ довлѣетъ. Выѣзжая въ срѣтеніе тѣлу святого и храбраго Князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи Невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ Кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ, вѣры ради. Ею укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полтавскія брани, и не допустилъ къ Ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ передъ Нимъ, какъ нѣкогда Ерихонскую, Нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненною премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ; безпритворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилежное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ, въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла новый видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего отечества, и Государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятельми корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его геройское мужество; оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ Своемъ нѣжномъ младенчествѣ показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрашіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ, на означенное мѣсто весьма опасались поврежденія; младый Государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами Своея Родительницы, прошеніемъ Братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности для обновленія

Россіи: плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны возвышая гордые верхи свои непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро текущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокуплялись, Его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою Своемъ войскѣ Петра, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы Его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ Свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И ты знойная Персія ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего Героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы...

... Ничѣмъ не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ Его подданнымъ. Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монашеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, итти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде Государей работы на плечахъ, на головахъ своихъ носили; Его снисхожденіе превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! какое увеселеніе за столомъ Его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ

Свое Величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ Своимъ посѣщеніемъ. Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ. Ибо онъ привлекалъ къ тому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ Своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя, правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ Его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли Его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Чтожъ Его путешествія или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь кораблей Его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія Ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и Полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите? я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ Онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспій-

скаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь, вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ Обладателей, великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на землѣ воинъ, однако, боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ, но къ землѣ пристать страшился. Иной любилъ науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Петръ сдѣлалъ въ краткое время Своея жизни. Кому жъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги, названъ Онъ Отцомъ Отечества. Однако, малъ ему титулъ. Скажите, какъ Его назовемъ за то, что Онъ родилъ Дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на Отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями Своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ Боже, награди Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ Сестры, двѣ Дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и Потомствомъ!

А ты великая Душа, сіяющая въ вѣчности и Героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внукъ наслѣдникъ; Правнукъ по желанію нашему родился; мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Прибавленіе

къ статьѣ: «Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, Мая 26-го дня 1761 г.».

Сіе рѣдко случающееся явленіе требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей, непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ, всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общему покою. Нерѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ о имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе, ничѣмъ, какъ посмѣяніемъ, презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится, безпокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе, за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, коль много своимъ его превышаетъ, человѣка, себѣ подобнаго сотвореннаго.

Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до

чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ къ приращенію. Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты, скажетъ кто: подумать де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ моря, произростаютъ вездѣ разныя прозябенія, ими питаются животныя. И сіе де подобно Коперниковой системѣ: противно де закону. Отъ таковыхъ размышленій происходитъ подобный споръ о движеніи и о стояніи земли. Богословы западныя церкви принимаютъ слова Іисуса Навина, гл. 10, стихъ 24, въ точномъ грамматическомъ разумѣ и потому хотятъ доказать, что земля стоитъ. Но сей споръ имѣетъ начало свое отъ идолопоклонническихъ, а не отъ православныхъ учителей. Древніе астрономы, еще задолго до Рождества Христова, Никита Сиракузянецъ признаЛъ дневное земли около своей оси обращеніе, Филолай — годовое около солнца. Сто лѣтъ послѣ того Аристархъ Самійскій показалъ солнечную систему яснѣе. Однако еллинскіе жрецы и суевѣры тому противились, и правду на много вѣковъ погасили. Первый Клеантъ нѣкто доносилъ на Аристарха, что онъ, по своей системѣ о движеніи земли, дерзнулъ подвигнуть съ мѣста великую богиню Весту, всея земли содержательницу, дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ нимфъ, боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей земли. И такъ идолопоклонническое суевѣріе держало астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла. Между тѣмъ астрономы принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ механикою и геометріею прекословящіе пути планетамъ, циклы и епициклы (круги и вобочные круги).

Коперникъ возобновилъ наконецъ солнечную систему, коя имя его нынѣ носитъ; показалъ преславное употребленіе ея въ астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другіе великіе математики и астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земностоятельной системѣ достигнуть невозможно.

Несказанная премудрость дѣлъ Божіихъ хотя изъ размышленія о всѣхъ тваряхъ явствуетъ, къ чему предводительствуетъ физическое ученіе; но величества и могущества его понятіе больше всѣхъ подаетъ астрономія, показывая порядокъ теченія свѣтилъ небесныхъ. Воображаемъ себѣ тѣмъ явственнѣе Создателя, чѣмъ точнѣе сходствуютъ наблюденія съ нашими предсказаніями, и чѣмъ больше постигаемъ новыхъ откровеній, тѣмъ громче Его прославляемъ.—Священное писаніе не должно вездѣ разумѣть грамматическимъ, но нерѣдко и риторскимъ разумомъ. Примѣръ подаетъ Святой Василій Великій, какъ оное съ натурою согласуетъ, и въ бесѣдахъ своихъ на «Шестодневникъ» [1]) ясно показываетъ, какимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ библейскія слова толковать должно. Бесѣдуя о землѣ, обще пишетъ: «Аще когда во псалмѣхъ услышите: Азъ утвердихъ столпы ея,—содержательную тоя силу столпы речени быти возмни» (бесѣда 1). Разсуждая слова и повелѣнія Божія въ міросозданіи: «*и рече Богъ*» и другія, слѣдующее объявляетъ: «Кая потреба слова могущимъ отъ самаго ума общити другъ другу совѣты» (бесѣда 2), явно изъявляя, что слова Божескія не требуютъ ни устъ, ни ушей, ни воздуха къ сообщенію взаимному своего благоволенія, но ума силою разглагольствуютъ. И въ иномъ мѣстѣ (бесѣда 3), тожъ о изъясненіи таковыхъ мѣстъ подтверждаетъ: «Въ проклятствѣ Израилю, будетъ тебѣ, глаголетъ, небо мѣдяно. Что сіе глаголетъ? Всеконечную сухость и оскудѣніе воздушныхъ водъ». Упоминающіяся часто въ библіи Божіи чувства, толкуя, такъ пишетъ: «И видѣ Богъ яко добро: не само тое утѣшенное нѣкое зрѣніе моря слово показуетъ Богу явити. Не очимо бо зритъ доброты зданія Творецъ; но неизглаголаннаго премудростію видитъ бывающая». Не довольно ли здѣсь великій и святой сей мужъ показалъ, что изъясненіе священныхъ книгъ не токмо позволено, да еще и нужно, гдѣ ради метафорическихъ выраженій съ натурою кажется быть не сходственно.

Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Все-

---

[1]) Сочиненіе Василія Великаго, въ которомъ, съ религіозной точки зрѣнія, объясняются шесть дней созданія міра Богомъ.

вышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклепнетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междуусобія, какъ учинилъ вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви. Которому согласуясь, Дамаскинъ Святой, глубокомысленный богословъ и высокій священный стихотворецъ (въ опасномъ изданіи православныя вѣры, кн. 2, гл. 6.); ибо, упомянувъ разныя мнѣнія о строеніи міра, сказалъ: «Обаче аще же тако, аще же инако; вся Божіимъ повелѣніемъ быша же и утвердишася», то есть физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны. Тоже и въ слѣдующихъ утверждаетъ: «Есть убо небо небесе, первое небо повыше тверди суще. Се два неба: и твердь бо назва Богъ небо. Обычно же священному писанію и воздухъ небомъ звати, за еже зрѣтися горѣ. Благословите бо, глаголетъ, вся птицы небесныя, воздушныя глаголя, воздухъ бо летательныхъ есть путь, а не небо. Се три небеса, яже божественный рече апостолъ. Аще же и седьмь поясы, седьмь небеса приняти восхощети, ничто же слову истины врездаетъ», то есть, хотя кто и древнія еллинскія мнѣнія о седьми небесахъ приметъ, священному писанію и Павлову сказанію не вредно.

Василій Великій, о возможности многихъ міровъ разсуждая, пишетъ: «Яко бо скудельникъ отъ того же художества тмиины создавъ сосуды, ниже художество, ниже силу изнури, тако и всего сего содѣтель не единому міру соумѣренную имѣя творительную силу, но на безконечногубое превосходящую мановеніемъ хотѣнія единемъ воеже быти приведе величества видимыхъ».

Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались: соединяя его снисканіе съ богодухновенными размышленіями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономіи. О, если бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрономическія орудія и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ астрономовъ знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; если бы

тогда открыты были тысячи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями, — какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходнымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оные святые риторы величество, премудрость и могущество Божіе!

Нѣкоторые спрашиваютъ: ежели де на планетахъ есть живущіе намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросный. Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, также и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные, какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать, или ихъ обратить, или крестить хочетъ, тотъ пусть по Евангельскому слову («Не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двоѣ ризу, ни сапогъ, ни жезла») туда пойдетъ. И такъ свою проповѣдь окончитъ, то послѣ пусть поѣдетъ для того жъ и на Венеру. Только бы трудъ его былъ напрасенъ. Можетъ быть, тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили; и для того всѣхъ изъ того слѣдствій ненадобно. «Многи пути ко спасенію. Многіе обители суть на небесѣхъ». При всемъ семъ христіанская вѣра стоитъ непреложна. Она Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей Божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, кои въ твореніи Божія не вникаютъ.

Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю. Первая — видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга — Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благословеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ, дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки,

апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтырѣ научиться можно астрономіи или химіи. Толкователи и проповѣдники священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе правильнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ими плевелы и раздоры.

Сколько разсужденіе и вниманіе натуральныхъ вещей утверждаетъ въ вѣрѣ, слѣдуютъ тому примѣры не токмо изъ еллинскихъ стихотворцевъ, но и изъ великихъ христіанскихъ первыхъ учителей.

Клавдіанъ о паденіи Руфиновѣ [1]) объявляетъ, коль много служитъ вниманіе къ натурѣ, для познанія Божества:

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ,
Что есть ли на землѣ отъ высоты смотрѣнье,
Или по слѣпотѣ безъ ряду все течетъ
И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣтъ?
Однако, посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
Земли, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
Премѣну дней, ночей, явленія луны,
Призналъ, что Божеской мы силой созданы.

Больше не остается, какъ только коротко сказать и повторить, что знаніе натуры, какое бы оно имя не имѣло, Христіанскому закону не противно; и кто натуру изслѣдовать тщится, Бога знаетъ и почитаетъ, тотъ съ Василіемъ Великимъ согласится, коего словами сіе заключается (бесѣда 6 о бытіи свѣтилъ). «Аще симъ научимся себѣ самыя познаемъ, Бога познаемъ, Создавшему поклонимся; Владычнцѣ поработаемъ, Отца

---

[1]) Клавдіанъ, поэтъ, жившій во времена императора Ѳеодосія; онъ описалъ паденіе Руфима, который былъ министромъ этого императора.

прославимъ, Питателя нашего возлюбимъ, Благодѣтеля почтимъ, Началовожду жизни нашея насущія и будущія покланяющеся не престанемъ».

Письма къ И. И. Шувалову.

I.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напомиповеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите Ваше Превосходительство мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ [1]), имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ [2]) въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хо-

---

[1]) Въ Москвѣ, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.
[2]) Три коп.

рошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны, школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованіе получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило: но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу, Ваше Превосходительство, въ томъ быть обнадежину, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависимости толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны и помнили бы, что музы... кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда, Боила, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана, въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. По приказанію Вашему все исполнить не премину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга
Мая 10 дня
1753 года.

II.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Полученное вчерашняго числа отъ 24 Мая письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнный знакъ особливой Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало; особливо тѣмъ, что вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ наукъ мало или ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились. а будучи въ своей власти почти никакого знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину), имѣючи отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу попустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ представительствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать

себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во-первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, что изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ: первый, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего Апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождевого облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ, издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ, онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, за тѣмъ, что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть тер-

пѣніе, когда бы только что путное родилось. Въ прочемъ удостовѣрясь многократно коль охотно слушаете Ваше Превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіе сообщить невозможно. Въ домѣ Вашего Превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣстницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электрическіе шарики по вашемя желанію пришлю вамъ не умедливъ какъ возможно. Я могу увѣрить Ваше Превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ великая скудость: такъ, что я для дѣланія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины, служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе Вашему Превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ Канцелярію Академическую именемъ Вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что они по шабашамъ долго протянутъ дѣло. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю

всепокорнѣйшій и вѣрный слуга

Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга
Мая 31 дня
1753 года.

III.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ тоже самое время. Сего Іюля въ 26 число въ первомъ часу пополу-

дни поднялась громовая туча отъ Норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искръ, и къ тому пришла моя жена и другіе; и какъ я, такъ и они безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что щи простынутъ, а при томъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто-нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *профессора громомъ зашибло*. Въ самой возможной страсти, какъ силъ было много, пріѣхавъ, увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на то лицо, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно, на лбу, а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разорванъ, а не прозжонъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновитѣ за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ

сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ, но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего, маленькаго Рихмана, могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ

Михайла Ломоносова.

Санктпетербургъ.
26 Іюля 1753 года.

О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ.

Въ древнія времена, когда славянскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго на славянскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила эллинскаго слова коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ,

кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ эллинскомъ языкѣ героевъ, витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ, видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуда умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славянскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что съ начала переводившіе съ греческаго языка книги на славянскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славянскому языку странныхъ, однако оныя чрезъ долготу времени слуху славянскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. Итакъ, что̀ предкамъ нашимъ казалось не вразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ россійскаго языка съ другими, ему сродными. Поляки, преклоняясь издавна въ католическую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того, въ католическихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изобража-

ются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: *высокій, посредственный и низкій.* Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю.* Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю.* Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣнь* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю, ручей, который, пока, лишь.* Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ стилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ[1]) комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій рождаются три стиля: *высокій, посредственный и низкій.* Первый составляется изъ реченій славянороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славянскихъ, россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ стилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ стилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славянскимъ изъ книгъ церковныхъ. Средній стиль состоять долженъ изъ реченій, больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славянскія, въ высокомъ стилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И, словомъ, въ семъ стилѣ

---

[1]) Въ комедіяхъ, изображающихъ бытъ простонародья, или вообще самую будничную жизнь.

должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славянское положено будетъ подлѣ россійскаго простонароднаго. Симъ стилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода стиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги [1]) и элегіи сего стиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ. Низкій стиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ славянскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славянскихъ общенеупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матеріи, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ — дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ россійскаго стиля.

Сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ славянскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ неупотребительными, то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному воображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика, однако, еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки, и сіе во первыхъ по мѣсту.

Народъ россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальнее разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, баварскій крестьянинъ мало разумѣетъ мекленбургскаго, или бранденбургскій—швабскаго, хотя всѣ того же нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество жи-

[1]) Эклоги—эпическія стихотворенія, изображающія жизнь пастуховъ.

вущими за Дунаемъ народами славянскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако, для употребленія славянскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По времени жъ разсуждая, видимъ, что россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣка, больше семисотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ, какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славянскихъ въ россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ коренного славянскаго языка, купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго, безъ искусныхъ въ немъ писателей, не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ испанскій, галльскій, британскій и другіе, съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣка чрезъ переселеніе и войны разрушились. Бывали и тамъ герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія, но всѣ въ глубокомъ невѣдѣніи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида [1]);
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Счастливы греки и римляне передъ всѣми древними европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли, однако, изъ самыхъ развалинъ, сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину [2])? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату [3]), равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель? Подобное счастіе оказалось нашему отечеству отъ просвѣщенія Петрова и дѣйствительно настало и основалось щедротою великія его дщери. Ею ободренныя въ Россіи сло-

---

[1]) Атриды—сыновья Атрея: Агамемнонъ и Менелай, герои Троянской войны.

[2]) Рѣчь Цицерона противъ Катилины.

[3]) Меценатъ — покровитель поэтовъ и художниковъ времени Горація, другъ императора Августа.

весныя науки не дадутъ никогда придти въ упадокъ россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣка великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа [1]) Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей, чрезъ которыхъ ходатайство ея отеческій градъ снабженъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнаса [2]), веселится своимъ симъ украшеніемъ и показываетъ оное всѣмъ городамъ россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

---

[1]) Августъ (высокій, величественный) — титулъ перваго римскаго императора Октавія; отсюда Августа — тоже, что императрица.

[2]) Московскій университетъ, основанный при Елисаветѣ.

ВАСЕНКО, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Для учащихся въ средней школѣ. Съ предисловіемъ проф. С. Ѳ. Платонова. Съ рисунками, виньетками и картами. Въ переплетѣ.

— **С. В.** То же. Для народа и начальныхъ школъ. Съ рисунками Обѣ книги поступятъ въ продажу весной 1912 г.

ВУЛЬФІУСЪ, А. Г. Учебникъ средней исторіи. Изд. 3. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.* Ц. въ переплетѣ 80 к.

ЕФИМЕНКО, А. Я. Учебникъ русской исторіи. Для младшихъ классовъ ср.-уч. зав. и городск. училищъ. Съ 44 рис. и 5 картами. Въ переплетѣ 90 к.

— Народная война (1812 г.). Для учащихся въ народныхъ и городскихъ школахъ. Съ рисунками, виньетками и картами. Въ переплетѣ. Книга поступитъ въ продажу весной 1912 г.

ЛИБЕНЪ, П. и ШУЙСКАЯ, А. Краткій курсъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и 8 картъ. Изд. 4, значительно дополненное и иллюстрированное. Ц. 60 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для низшихъ уч. зав. и для тѣхъ уч. зав., въ коихъ проходится элементарный курсъ отечественной исторіи, и въ качествѣ пособія для мл. классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ПЛАТОНОВЪ, С. Ѳ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Изд. 4, съ приложеніемъ 5 картъ, составленныхъ И. Н. Михайловымъ. Ц. въ переплетѣ 2 р. *Допущ. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для средн. учебн. завед.*

— Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI-XVII вв. Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время. Изданіе 3-е, съ приложеніемъ двухъ картъ. Ц. 3 р. 50 к.

С. Ѳ. ПЛАТОНОВУ — ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ **С. Ѳ. ПЛАТОНОВУ.** Ц. 2 р.

ПЛАТОНОВА, Н. Н. Кохановская (Н. Н. Соханская). 1823—1884. Біографическій очеркъ. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к. Удостоено отъ Академіи Наукъ Ахматовской преміи.

СИПОВСКІЙ, В. Д. Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Географическій обзоръ древней Греціи. Сказаніе о богахъ. Сказаніе о герояхъ. Сказаніе о Троянской войнѣ. Разсказы изъ Иліады. Разсказы изъ Одиссеи. Нравы и бытъ героическаго времени. Съ 50 политипаж. въ текстѣ и однимъ на отдѣльн. листѣ. Изданіе 4-е. Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія для мужск. гимназ. и прогимн., а также въ учен. библ. средн. учебн. зав. Ц. 75 к.

— Сократъ и его время. Съ рисунками. Изданіе 3. На лучшей бумагѣ въ перепл. для подарковъ 1 р., на простой бумагѣ 40 к.

СКВОРЦОВЪ, И. В. Русская исторія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изданіе 2-е. Въ переплетѣ ц. 1 р. 70 к. *Доп. М. Н. Пр.—Одобр. У. К. Св. Син. какъ руководство.—У. К. Вѣд. уч. Имп. Маріи одобрено какъ руководство.—Св. Син. удостоена преміи Митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

ФРИДОЛИНЪ, П. П. Краткая исторія европейскаго искусства. Съ 132 рисунками. Въ перепл. 1 р. 75 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. книга признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ средн. уч. зав.—*Уч. Ком. Вѣд. Учр. Импер. Маріи* рекомендована для внѣкласснаго чтенія средн. уч. зав.—Гл. упр. в.-уч. зав. допущена въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

АДАМОВЪ, В. Учебникъ элементарной психологіи. Изд. 2. Ц. 1 р. *Доп. М. Н. Пр.*

ДАВЫДОВА, С. Руководство и методическія указанія для преподаванія рукодѣлія въ школахъ. Изд. 3, испр. и дополн., ц. 90 к. *Доп. М. Н. Пр.*

ЗОЛОТАРЕВЪ, С. Очерки по исторіи педагогики на Западѣ и въ Россіи. Ц. въ пер. 1 р. 25 к.

КУРЯТНИКОВЪ, И. С. Примѣненіе наглядности при прохожденіи 1-го десятка въ начальной школѣ. Ц. 15 к.

НАДЕЖДИНА, Э. И. Элементарный курсъ кройки. Руководство для ученицъ. Часть I. Бѣлье. Изд. 2, исправл. и дополн. Съ рисунками. Ц. въ папкѣ 60 к.

— Часть II. Платья. Съ рисунками. Изд. 2, исправл. и дополн. Ц. въ папкѣ 60 к. *Обѣ части въ 1-мъ изданіи Мин. Нар. Просв. одобрены въ качествѣ руководства для ученицъ женск. професс. учебн. завед., а также для женск. общеобразов. учебн. завед., въ которыхъ препод. рукодѣлія.*

— Дополненіе къ I и II-ой части. Составлено по программамъ спеціальныхъ испытаній на званіе учительницъ рукодѣлій въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Съ 74 рис. въ текстѣ. Ц. въ папкѣ 60 к.

ПЯСЕЦКІЙ, Л. Методическія указанія къ учебнику ариѳметики. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

РУДНЕВЪ, Я. Краткое руководство по методикѣ географіи. Для учительскихъ семинарій и школъ, педагогическихъ классовъ женскихъ училищъ. Изд. 3, испр., ц. 50 к. *Доп. М. Н. Пр.*

— О преподаваніи географіи въ начальн. школѣ. Ц. 20 к. *Доп. М. Н. Пр.*

— Элементарный курсъ математической географіи. Руководство для учительскихъ семинарій. Пособіе для 4-хъ класс. городск. учил., 2 классн. сельск. и церк.-прих. школъ. Ц. 35 к. *Доп. Св. Син.*

СИПОВСКІЙ, В. Д. О школьной дисциплинѣ. Изд. 2, ц. въ папкѣ 20 к.

— Избранныя педагогическія сочиненія. Съ портретомъ его и біографической статьей Н. Л. Леонтьевой. Ц. 1 р. 50 к.

СКВОРЦОВЪ, И. Записки по педагогикѣ. Ч. I. Общая педагогика. Примѣнительно къ программѣ педагогики въ женск. гимназ., институтахъ и др. средн. учебн. заведеніяхъ. Изд. 15. Ц. въ перепл. 1 р. *Рекомендовано Учебн. Ком. Вѣдомства Императрицы Маріи какъ руководство—Доп. М. Н. Пр.*

— Ч. II. Общая дидактика. Изд. 8. Ц. въ перепл. 80 к. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. Уч. Ком. Вѣд. Императрицы Маріи.*

— Философская пропедевтика. Часть I. Психологія. Примѣнительно къ курсу мужскихъ гимназій. Ц. въ перепл. 65 к.

СОКОЛОВЪ, П. А. Педагогическая психологія. Изд. 4. Съ систематич. указателемъ сочиненій и журнальныхъ статей по вопросамъ психологіи и педагогики. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к. *4-е изд. одобр. С. С.* для библіотекъ дух. семин. и женск. епарх. училищъ.—*Уч. Ком. М. Н. П.* признана заслуживающ. вниманія при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. зав.

БАБЕНКО, И. Курсъ коммерческой корреспонденціи съ конспектомъ исторіи и теоріи письма и съ прил. коммерческой терминологіи. Изд. 3-е, дополненное, ц. 1 р. 20 к. *Доп. М. Ф.*

ГУРИНОВИЧЪ, П. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ, сгруппированныхъ по типамъ. Изд. 3. Вып. 1-й, ц. 20 к. Вып. 2, ц. 10 к. *Доп. М. Н. Пр.*

КЮРЗЕНЪ, М. Систематическій курсъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Изд. 3. Ц. 80 к. *Доп. М. Н. П.—Доп. Главн. Упр. Землеустр. и Землед.—Доп. М. Т. и Пр.*

ПЯСЕЦКІЙ Л. Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть 1. Дѣйствія надъ цѣлыми одночленами и многочленами. Изд. 3, исправленное. Ц. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.*

„ 2. Дроби и уравненія первой степени. Изд. 2, испр. Ц. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.*

„ 3. Степени и корни. Изд. 2. Ц. 35 к. *Доп. М. Н. Пр.*

„ 4. Рѣшеніе уравненій. Мнимыя величины. Извлеченіе кубическаго корня. Ариѳметическія и геометрическія прогрессіи. Логариѳмы. Ц. 35 к. *Доп. М. Н. Пр.*

„ 5. Сложные проценты. Срочные вклады и уплаты. О неравенствахъ. Изслѣдованіе уравненій. Соединенія. Биномъ Ньютона. Непрерывныя и подходящія дроби. Ц. 50 коп. *Доп. М. Н. Пр.*

— Учебникъ ариѳметики для среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть 1. Цѣлыя числа. Изд. 6. Ц. 25 к.

„ 2. Дроби. Изд. 5. Ц. 25 к.

„ 3. Отношенія и пропорціи. Рѣшеніе задачъ на такъ называемыя правила: тройное, простое и сложное, процентовъ, учета векселей, пропорціональнаго дѣленія, смѣшенія 1-го и 2-го рода и цѣпное способомъ приведенія къ единицѣ и способомъ пропорцій. Изд. 5. Ц. 25 к.

„ 4. Дополнительныя статьи. Изд. 2. Ц. 25 к. *Всѣ части доп. М. Н. Пр.—Доп. М. Т.—Доп. С. С.*

ШИДЛОВСКІЙ, В. Курсъ прямолинейной тригонометріи, приспособленный къ первоначальному ознакомленію съ этимъ предметомъ, съ краткимъ историческимъ очеркомъ тригонометріи. Ц. 90 к.

Цѣна въ переплетѣ 40 к.

Изданіе и складъ
у Я. Башмакова и К°
С.-Петербургъ Итальянская 31

Книга имѣется
у Бр. Башмаковыхъ
Казань. Москва

ПЕРЕПЛЕТНАЯ М.Д.УЛЕМАНЪ С.П.Б.